

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

Расточитель. Николай Семенович Лесков

Расточитель
Драма в пяти действиях
(Посвящается артисту Н. Зубову)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иван Максимович Молчанов, молодой купец, 30 лет. Одевается по-современному; держится ловко; носит бороду.

Марья Парменовна, жена его, 28 лет.

Пармен Семенович Мякишев, тесть Молчанова, купец рослый, тяжелый, с большою проседью; одевается по старине.

Анна Семеновна, жена его, купчиха лет за 40.

Фирс Григорьевич Князев, купец лет 60, бодрый, сдержанный и энергический. Седые волосы на его голове острижены низко и причесаны по-кадетски; борода довольно длинная, но узкая и тоже седая; одет в длинный сюртук, сделанный щеголевато. Вообще фигура очень опрятная. На носу золотые очки. – Первый человек в городе.

Иван Николаевич Колокольцов, товарищ Молчанова, 30 лет, городской голова.

Вонифатий Викентьевич Минутка, думский секретарь, из поляков.

Калина Дмитриевич Дробадонов, дядя Молчанова по женской линии, купец очень крупного телосложения, лет 42; одет неряшливо.

Иван Петрович Канунников | пожилые купцы

Матвей Иванов Варенцов } и члены

Илья Сергеев Гвоздев | Думы.

Марина Николавна Гусярова, молодая женщина, лет 27, дочь няньки Ивана Молчанова, воспитанная в детстве в молчановском доме,

Старуха, мать Марины, слепая.

Алеша Босый, помешанный, слывет юродивым: он не носит никакой обуви и зиму и летом ходит босой, в одной длинной рубашке.

Спиридон Обрезов, старый ткач.

Павлушка Челночек, мастеровой.

Служанка в доме Мякишевых.

Алена |

} слободские девушки.

Саша |

Дросида, мать Алены.

Приезжий парень.

Двое детей Молчанова.

фабричные, купцы и мещане, полицейские солдаты и квартальный.

действие происходит в 1867 году, в большом торговом городе:

1-е - в садовой беседке у Князева,

2-е - в городском доме Молчанова,

3-е - в доме Мякишевых,

4-е - в парке при молчановских фабриках,

5-е - в доме Дробадонова.

Между 1-м, 2-м, 3-м и 4-м действиями проходит несколько дней, а между 4-м и 5-м три месяца.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Просторная садовая беседка, обращенная в летнее жилище князева и убранная как кабинет достаточного человека, но несколько в старинном вкусе.

ЯВЛЕНИЕ 1

Князев (при поднятии занавеса сидит за старинным бюро карельской березы и читает письмо). "А к сему еще и то тебе, любезный Фирс Григорьевич, прибавлю, что у нас в столице ныне нечто совсем от прежнего отменилось, и хоша то и справедливо, что на всякую болезнь свое зелье растет, только ныне аптек тех уже нету, где зелье противу наших немочей приготавливалось, Суд старый рухнул, и при новых судебных выдумках я в деле, о коем ты пишешь, пособником быть считаю не безопасным. Одно, что могу тебе присоветовать, то признайся ты питомцу своему Молчанову, в чем грешен, и ненадлежаще от него присвоенное возврати. Иной же поправки сему делу в нынешние тяжкие времена не ожидай". (Нетерпеливо дергая письмо, продолжает скороговоркою) "Молчанов пылок и добр, и если ты перед ним, как прочие купцы делают, хорошенько расплачешься, то он, пожалуй, и разжалобится..." (Комкает письмо.) Дурак, а не стряпчий! Черт его знает, что он мне за ответ написал! Я его спрашивал: как мне быть, чтобы не уронить себя, чтобы оправиться в молчановском опекуновском деле и сдать отчеты без приплаты, а он вон что отвечает: "отдать!" Отдать!.. Да нечего отдать, глупец!.. Расплакаться!.. Кто это видел, как Фирс Князев плачет! и перед кем? И от чего заплакать?.. Ваш новый суд! Что ж это - люди, что ль, переменились? Вздор! Не может быть, чтоб человек с умом не сделал в России того, что хочет... Все это выдумка! Да, наконец, и граф Александр Андреич этого не может допустить. На него на полмиллиона векселей при таком суде представляют, а он платить долгов не поважен. Пустое, вздор, мечтанье, форма... Нет, меня не запугаете, и пока этот лоб наруже, на Фирса князева узды вам не накинуть.

Слышен стук в двери.

Кто там?

ЯВЛЕНИЕ 2

Минутка (входя). Не беспокойтесь: это я.

Князев. Что ты там пропадал столько времени? Велики, знать, очень секретарские разносолы.

Минутка (усаживаясь). Нет, какие там наши разносолы, а все же старуху восемь дней не видал... да ей и нездоровится.

Князев. Ну что там нездоровится... псовая болезнь до поля, бабья до постели: выспится и здорова будет.

Минутка (подобострастно улыбаясь). Это так, так... они как кошки: переволоки на другое место, и опять живут... Ну ах, чтоб вы знали только зато, как я разбился... Кажется, за ничто на свете теперь бы с постели не встали! Ведь шутка ли, в самом деле, в восемь дней в Петербург и назад. Хороша дорога, слова нет, особенно от Питера до Владимира по чугунке, как в комнате сидишь; но уж от

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru

Владимира...

Князев (перебивая). Да, от Владимира многим не нравится... Ну да к черту это! Расскажи ты мне теперь, братец, что же ты сделал в Петербурге по моему приказанию? Письмо ты мне от стряпчего привез столь глупое, что я этого человека после этого сумасшедшим считаю.

Минутка (осклабляясь). Нет, большого ума, большого ума человек, Фирс Григорьевич! Не дети, а мужи, самые настоящие мужи, дельцы и те приуныли. Одно слово, как стряпчий сказал, нечего и рецептов писать, когда наши аптеки все закрыты. (Разводит руками.)

Князев. Как же это, – стало быть, и ты уже без взяток жить собираешься?

Минутка. А что ж поделаешь!

Князев (встает и начинает ходить). А вытерпеть надеешься?

Минутка. Представьте, Фирс Григорьевич... чтоб вы знали, ни денег дать, ни упротить его, ни подкупить... Как вам это нравится?

Князев. А обмануть?

Минутка (смотрит на князева с изумлением и растерянно повторяет). Обмануть...

Князев. Да... обмануть?

Минутка. И обмануть... Ну, чтоб вы знали, и обмануть я, Фирс Григорьевич, не в надежде.

Князев. Ну обойти, коли не обмануть?

Минутка молча разводит у себя под носом руками.

(Про себя.) Однако и у пивки брюшко залубенело. (Громко.) Нет, пан Вонифатий, вижу я, что двадцать лет назад, когда тебя только что прислали из Польши на смирение, ты смелей был. Помню я, как ты, первый раз, как я тебя у полицеймейстера за завтраком увидел, рассуждал, что "в России невозможности нет". За одно это умное слово я тебя, сосланца, возлюбил, и на службу принял, и секретарем в Думе сделал, и двадцать лет нам с тобой и взаправду невозможности не было.

Минутка. То двадцать лет назад ведь говорил я, Фирс Григорьевич.

Князев. Да; в эти двадцать лет ты понижался, а я... а я прожился.

Минутка. Кто ж этому причиной, Фирс Григорьевич? Не я тому причиной: я жил по средствам, вы же...

Князев (перебивая). Молчи, сморчок!.. В тебе сидит один польский черт, а во мне семь русских чертей с дьяволом, так не тебе про то судить, кто виноват. Когда б не эти черти, я и теперь бы дома не сидел и не послал бы тебя в Питер. (Успокаиваясь.) Говори, велико ли время еще дадут мне на передышку?

Минутка (пожав плечами). Сказали так, что дело об отчете два месяца, не более могут продержат и тогда потребуют остатки.

Князев. Сколько?

Минутка. На счету будет тысяч двести.

Князев. Двести тысяч!.. Ты врешь!

Минутка. Помилуйте, на что мне врать.

Князев. На что?.. А ты соври себе, чтоб легче было отвечать.

Минутка (вскакивая и дрожа). Да я-то что же здесь? Я здесь при чем же, Фирс

Григорьич?

Князев. Агу, дружок! Ты здесь при чем? А не знаешь ли ты того подьячего, что нам с Мякишевым двадцать лет отчеты по молчановской опеке выводил? Что, голубь! Я ведь бумажки прячу.

Минутка, потерявшись, не знает, что сказать.

А! Ишь как дрожит! Вот тем-то вы, ляшки, и скверны. На каверзу вот тут вас взять, а если где придется стать лицом к лицу с бедою, так тут вы уж и жидки на расправу. (Грозь пальцем.) Эй, пан, со мною не финти! (Смело.) Я крепко кован! Я знаю, куда ступаю. Я сел опекуном, так из всех должностей высел, а тебя, дурака, в Думу посадил, и... придет к тому, так... я же тебя и в тюрьму посажу. Чего дрожишь! Чего? не бойся. Ведь новый суд над нами еще не начался, а до тех пор держись... вот тут вот... за полу мою держись, покуда... (с омерзением) покуда в нос сапогом не тресну.

Минутка. Да что вы, Фирс Григорьич! Я, что ль, за новый суд! Да за ничто на свете! Тпфу! вот ему что от меня, новому суду. Я, чтоб вы знали, я всем чем угодно готов служить вам, Фирс Григорьич.

Князев. Ну, всем – где тебе всем служить? Я тебя посылаю каверзить слышишь, каверзить. Больше вы, паны, ни на что не способны.

Минутка. Да нуте бо, бог з вами, кати я пан: я такой же, как и вы, русский человек.

Князев (презрительно). Ну врешь – такой же! – что у тебя на русской службе польская кость собачьим мясом обросла, так уж ты от этого и русским сделался! Впрочем, не русись: ты мне такой и лужен, какой ты есть! Где ума потребуется, там мы своего поищем; а ты ступай повсюду... бунтуй народ, мещан, особенно фабричных... Заслать людей, чтобы и малому и старому твердили, что Фирс Григорьич их отец, что он застоя их; он благодетель их и покровитель... Понимаешь? Сказать, что помните, мол, в прошлом году совсем было быть набору... а как министерский чиновник через наш город проехал да с князевым повидался, – и набору, мол, конец. Ты все это должен помнить: сам ведь распускал. Теперь опять все это им напеть, да растолковать им, канальям, что я все могу сделать.

Минутка. Это... это что и толковать! Этому, чтоб вы знали, они и так все верят.

Князев. Знаю! И то... да! скажи, что опять в Петербурге про набор слышал... Это старо, да еще не изъездилось... Скажи и поприбавь, что я, освободившись теперь от молчановской опеки, не откажусь быть головою и... "его, мол, выберут". Это ничего, что не ты, а они выбирать будут – ты прямо говори, что выберут.

Минутка (смеясь). Быдло!.. Скот, скот... бараны... я про народ-то говорю: бараны!

Князев. Да; ступай и действуй смело, а я здесь кое о чем подумаю.

Минутка. Одно только, как бы это так получше, Фирс Григорьич, пустить, чтобы оно всюду прокатило?

Князев. Ну, об этом ты не заботься: у нас правда молчком лежит, а брехню пусти с уха на ухо, она пролетит с угла на угол. Ступай.

Минутка (порываясь к двери). Прощайте, до свиданья.

Князев. Да то еще... Да! Если что-нибудь тебе случится разузнать, что Ванюшка Молчанов неспокоен, что что-нибудь затевает...

Минутка. То дать вам знать?

Князев. Да, ту ж минуту; ту ж секунду... Слышишь: ту ж секунду. Беги сюда хоть ночь, хоть за полночь... да не ломись двором, где люди видят, а оттуда, знаешь, с выгона подергай за веревку. Я сам тебя впушу в садовую калитку.

Минутка. Не учите... знаю.

Князев. Не дай зевка. Мне кажется, что он недаром что-то очень тих. (Про себя.) Черт знает... я бойких людей не люблю и очень тихих не люблю тоже. Не верю я тихим. (Минутке.) Не верю я тихим!

Минутка. Фирс Григорыч, не беспокойтесь! Кто тихо ходит, того чох выдаст... чох выдаст... хе-хе-хе, чох...

Князев. Ступай.

Минутка уходит.

ЯВЛЕНИЕ 3

Князев (один, медленно и с усталостью). Проклятая самая вещь чужие миллионы в руках держать: ладони сами словно клеем приклеиваются – все так и пристаёт к ним, так и пристаёт; а потом вот как поналип-нет – и трудно приходится рассчитывать. Две недели! Что тут можно сделать из ничего в две недели? А не сделай, – бубновый туз тебе на спину и в каторгу. Гм! Но и еще и не в том дело, что в две недели, и не в том, что из "ничего"; а когда это? в какое время? когда я уязвлен, когда я умом помрачен и только мечтаю о сласти, когда все, наконец, уж так доведено, что Марине шагу ступить без меня невозможно... Сегодня ей уж последний удар нанесен: я вчера велел Дросиде, чтоб нынче выгнать их – и ее и мать, – если Марина еще ломаться будет. Теперь ей один выбор – идти со слепую матерью питаться же-людьми или... прийти ко мне. (Глядя на часы.) Теперь девятый час в исходе... Непременно должна бы сейчас быть... Небось закутается... идет, словно земля под ней проваливается, и все плачет. Гм! (Подумав.) А я очень люблю иногда плачущих женщин... (Страстно.) У них в это время, когда они плачут, губы такие... жаркие и все, как бабочка на булавке, трепещутся... Давно уж, давно я не целовал этакой! (Задумывается.) Изучались все, все уж и здешние-то приучились, как рыбы холодные на блестячку ходят, только блестячок заготовлявай... Ах, эти блестячки, блестячки!.. Вот, черт возьми, вертись, как жид перед жолнером: то баба, то свое спасенье. (Садится к столу, на котором стоят книги законов.) Неужто же в самом деле ни ум, ни закон, ничто не поможет? Нет! чтоб выгонять вон из головы эту проклятую бабу, давай лучше законы читать стану. Теперь мода на законы пошла, прежде была мода на возможность, а ныне на закон. (Раскрывает одну за другою несколько книг.) Что ж!.. Говорят, подьячий от закона питается: не утешит ли он и нас чем? (Читает.) "О фальшивых монетчиках". – Вот эта статья интересная. Только велика труппа требуется. (Ищет далее.) "О нарушении союза брачного". (Останавливается и несколько секунд читает.) Муж может потребовать жену к совместному сожителству... а чтобы он не потребовал... (С досадой.) Но это опять все про нее! про нее!.. (Оглядывается на дверь.) Однако что-то вот ее и нет. (Глядя в книгу.) "О расточительстве". Вот этим законом меня хорошо было с детства отчитывать. (Вздыхает и бросает книгу.) Все вздор! Есть только то, чего не надо; а за что зацепиться? на чем выскочить?.. На что стать да насмеяться этим и новым судам и новым людям, – того и нет!

Слышится стук в двери.

Ага, вот и она! (Откидывает крючок.) Одна?

ЯВЛЕНИЕ 4

Дросида (входя). Одна, родимый. Да и с кем же быть-то? Не с кем.

Князев. Как не с кем! Что такое?

Дросида. Да ведь ушла она, Марина-то, еще вчера ушла. Я думала, что ты уж знаешь, потому весь город знает. Я про то и идти и глаз тебе показать боялась, что ты, мол, этакой человек... гневен теперь...

Князев. Ты толком мне говори. Я твоей этой болтовня ничего не понимаю. Я дома сидел: ничего не слышал, а докладывать – кто мне смеет про эти глупости докладывать?

Дросида. А коли не знаешь, изволь, родимый, все расскажу. Я все ей баяла. Я позорю, ты вспомни, Маринушка, что кто ведь был твоей застоен? Подумай, мол, что ты ведь мужняя жена, а муж твой есть убивец. Кто за тебя вступился? Фирс

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru

Григорьич. Кто мужа твоего по чести спровадил в Питер да еще и денег на разживу дал – кто? вое же Фирс Григорьич. Кто этот домик-то, не домик, а хоромы добрые, тебе удержал, не дал твоему мужу прогусарить? опять же Фирс Григорьич!

Князев. Ну!

Дросида. Да как же тебе, говорю, того не чувствовать? Ну, а она свое: я бы, говорит, от мужа и сама убегла, потому что он, всем известно, разбойник; а что хоромы, так это, говорит, ведь наши притоманные, свои хоромы: их Фирс Григорьич обманством выманил: говорил, чтоб только переписать за него, чтобы муж меня под дом денег занимать не заставлял; а нынче, видно, шутку эту в правду уж повернул. Так мне плевать, говорит, на эти и хоромы. Я, говорит, нужды не боюсь, а уж тела своего не продаю. Дура ты, говорю ей, так же ведь с своим с разбойником-то жила и тело ему продавала. Ну, то, говорит, закон.

Князев. Скажите пожалуйста, и бабы про закон запели!

Дросида. Да, говорит, закон. Да что, мол, нам, нищим, закон! Хорошо в законе ходить, кому бог обужку дал, а у нас редкая-редкая, которая от Фирса Григорьича чем не пользовалась... Моя, говорю, дочь не хуже тебя была...

Князев. Ну, это ты проезжай мимо с своей дочерью.

Дросида. Не хуже тебя, говорю, Алена-то моя была, да за счастье даже это почитала. А она с этим харк мне в глаза да говорит: змея ты, да еще змей хуже, потому и змея своих через не ест, а ты к чему дочь устроила. Я уж тут-то не стерпела, да и говорю: ну, коли ты говоришь, что я свое дитя съела, то ты хуже меня будешь и свою мать съешь. Мне, говорю, от Фирса Григорьича такой приказ дан теперь, что если ты ноне своих капризов не переломишь да не пойдешь к нему, так замест того, чтобы он дом на тебя записал, вот тебе бог да порог: выходи вон отсюда со своею матерью.

Князев. Ну и что ж она?

Дросида. Что ж ей, бесчувственной, Фирс Григорьич! Она тому и рада словно. Прегордо плюнула еще, да и была такова. "Собирайся, маменька: наш дом-то не наш, говорит, вышел". Повязала узлы, да и след их таков.

Князев. Скажите пожалуйста, какой, однако, в этой бабенке гонор сидит. (Отходя.) Ведь это... ведь это, я вам говорю (целует пальцы)... ведь это суперфейн! Эта... разомнет кости, пока ее к знаменателю приведешь. Я и этот род знаю. Знаю, знаю! Сей род ничем же изымается, но хорош, хорош, заманчив. Дуру, как галку, сейчас подманешь, и сама и на плечо садится; а этакую... как сокола ее надо вынашивать... Маять ее, чтобы одурь ее взяла... чтоб отдыху ей не было, чтоб из сил выбилась, с тела слала... В них ведь это не то... не мякоть, не тело дорого... а в них... Да дьявол их знает, что в них такое! (Дросиде.) Ну и куда же она пошла?

Дросида. Да уж прежде, видно, Фирс Григорьич, у них место-то готовлено. Она так прямо, плюнувши, и говорит: стращать было вам, говорит, меня допрежь сего, да и тогда-то бы я не больно испужалась, а ноне мне спасибо вам, что выгнали. Взяла слепую мать и повела к Молчанову на дачу.

Князев (вскакивая). К Молчанову? Ты врешь!

Дросида. Мне ли лгать тебе, родимый Фирс Григорьич. Сама я видела, как взяли за угол и полем поплелись вдвоем к Молчановской слободке.

Князев (проворно вскочив и расхаживая, про себя). А, брат Иван Максимыч, ты что-то частенько стал мне впоперек дороги шнырять. За тебя терплю, да и от тебя терпеть – это уж не много ли будет по две собаки на день!

Слышен стук в двери.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Минутка.

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
Минутка (бледный и взволнованный, вбегает и обращаясь к Дросиде). Ступай отсюда, ступай! Прикажите ей, Фирс Григорьич, поскорее вон выйти.

Князев (Дросиде). Поди там подожди в саду,

Дросида уходит.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же без Дросиды.

Князев. Чего ты мечешься как угорелый?

Минутка. Да, угорел... прекрасно вы всех нас уча-дили: на целый век этого угару хватит.

Князев. Не ври: всякий угар пройдет, как свиньи спать лягут. Ты говори, в чем дело?

Минутка. Помилуйте, да вам ведь лучше знать, в чем дело. Скажите-ка вы, где у вас черновые счета, которыми вы меня пугали?

Князев. В коробье спрятаны.

Минутка (плачевно). Да что вы шутите! нам не до шуток. Нет, они точно в коробье, да не в вашей... Их нет у вас: вы обронули их хмельной у Марины Николавны, да и не хватитесь. Стыдно вам, Фирс Григорьич!

Князев (в ужасе). Она могла Молчанову отдать их!

Минутка (нервно). Да что угадывать, когда уж отдала. (Плачет.) Вот то-то вот... винцо да бабочки... библейского Самсона и того остригли, и вас остригут! Поверьте, остригут. (к публике.) Лезет к женщине: та его терпеть не может, говорит так с ним, с омерзением с таким, что смотреть совестно, а он все к ней... С ума сошел дряхлец... Где горд, а тут уж и гордости нет.

Князев (не слушая). Теперь не остается много думать... Ступай сейчас к Молчанову... не дожидайся утра, а сейчас ступай... скажи ему, что я кланяюсь ему...

Минутка (перебивая). Да; теперь мириться с ним, прощенья у него просить готовы.

Князев (кусая губы). Да, прощенья.

Минутка (смело). Чего просить? чего просить? Напрасно, чтобы вы знали! Я уж просил – сейчас оттуда. Я как узнал, что все наши счета и фактуры у него в руках, так первым же делом прямо бросился к нему... да не в двор, а в огород... под окна...

Князев (схватывая Минутку за руку). Гм!.. да, да, чтобы украсть? Ну, ну! ну молодец, умно.

Минутка. Чтобы посмотреть, что можно сделать...

Князев. Ну!

Минутка. Ну! (нагло.) Ну и ну! Поднялся на карнизец да гляжу в окошко: вижу, свечи горят, а никого нет, как вдруг в это время кто-то хватить меня прямо за... ухо.

Князев. Тебя?

Минутка. Да разумеется меня! ведь вас там не было. Оказывается, что это сам господин Молчанов. Держит за ухо и говорит: "а, князевский шпион, мое почтение"... и хотел было людей звать. – Иван Максимыч, что вы! говорю, да бог-бо з вами! какой я шпион? Я, говорю, я, чтоб вы знали, к вам от Фирса Григорьича с тем и прислан, чтобы мир сделать; Фирс Григорьич, говорю, сами быть у вас желают... А он...

Князев (нетерпеливо). Ну да; а он? что ж он?

Минутка (вздыхнув). А он... Послов, говорит, ни худых, ни хороших ни бьют, ни бранят, а жалуют. И в этом виде так и повел.

Князев. Гм! все за ухо?

Минутка. Да я ж вам говорю, что за ухо! (Вздыхнув.) Повел в кабинет. Провел да и дал мне прочитать бумагу... Останетесь довольны, Фирс Григорьич.

Князев (нетерпеливо). Что это за бумага?

Минутка (тихо). В Петербург.

Князев. О чем?

Минутка (еще тише и спокойнее). О том, что начет на вас он дарит на детские приюты.

Князев. Все двести тысяч?

Минутка. С процентами... Что-с, Фирс Григорьич? Просить было, пока время было. Теперь ведь не с Молчановым - те не простят.

Князев (хватая Минутку за борт). Украдь эту бумагу с почты.

Минутка (спокойно). Не рвите платья понапрасну. Бумаги нет: она уже третий день тому назад пошла с нарочным. Я видел копию.

Князев (бросает Минутку). Что ж это вы меня живьем, что ли, хотите в руки выдать! (Снова хватая бешено Минутку.) Ты говоришь, что поздно красть! (С азартом.) Так я же буду резать! жечь!.. душить!.. (Бежит к двери.)

Минутка. Что вы? что вы? Вы... вспомните вы, что вы говорите?

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Дробадонов.

Дробадонов (показывается в это время в дверях и преграждает князеву дорогу). Что, еще охота все душить да резать? Довольно, кажется, в свой век ты уж и крал и резал.

Князев (гневно). Что это? как ты смел сюда взойти? Пошел отсюда вон!

Дробадонов. Не прогоняй - и сам не засижусь. (Берет молча Минутку за плечи, выставляет его за порог и запирает за ним дверь.) Не по своим делам к тебе я, а от людей послан. Куда ты вышвырнул Марину Гуслярову с слепою матерью из дому?

Князев. На простор.

Дробадонов. Да как же так?

Князев. Так: очень просто - дом мой и власть моя.

Дробадонов. Дом твой и власть твоя, да и твое ж ведь и бесчестье. Ты дом купил у них за бесценок; сказал, что это только для того, чтоб муж Марину не nevoлил занимать под дом да отдавать ему на пьянство, а что они до веку будут в этом доме жить.

Князев. Да ведь то-то вот видишь - я своему слову господин: хочу держу, хочу в карман прячу. Ступай проси на меня, если хочешь.

Дробадонов. Что просить? А ты греха побойся, Фирс Григорьич. Известно нам, чего ты хочешь от Марины Николаовны. Она не говорлива, да у людей-то ведь глаза - не бельма. Грешил ты много, Фирс Григорьич; но ноне, кажется, не те бы уж твои года... Уж я старик почти, а ты ведь мне в отцы годишься. Тебе б теперь пора

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
молиться богу да просить себе деревянного тулупа.

Князев (раздражительно). Да ты кашу, что ли, ел на моих крестинах или воду выливал?

Дробадонов. Да бог с тобой, с твоими летами. Я в том пришел тебя просить: не доводи, пожалуйста, семью племянника Молчанова до бесконечного раздора. Ты выгнал из дому Марину; им с матерью некуда деться было. В городе, тебя боясь, никто их не примет. Я бы рад их душой принять, да сам с сестрой и с матерью едва мещусь: ну они, разумеется, к Молчанову пошли; а ведь тебе и без того известно, что весь народ в одно про них твердит и путает Марину с Ваней. Теперь он их вчера приютил, а это до семейных уже дошло, и в доме ад настал.

Князев. Ага! и ад уже настал? Чего ж бы, кажется? То ездила туда кататься, теперь живет: не велико различье.

Дробадонов. Будь миротворец – вороти ты этот дом старухе.

Князев (долго глядя в глаза Дробадонову). Калина Дмитрич! Что ты дурак или родом так?

Дробадонов. Послушай, Фирс Григорьич! Ругательством твоим не обижаюсь. Я не дурак, я совесть у меня чиста, и таким меня мир знает. Я беден, да в свою меру уважают меня люди. Ты меня не обидишь, да ты мне и не страшен: я не боюсь тебя. А я тебя по-христиански прошу и советую тебе: опомнись, Фирс Григорьич, сделай хоть что-нибудь доброе: пусть не все же боятся – пусть хоть кто-нибудь тебя и любить станет.

Князев. А мне, любезный, это все равно: люби не люби, да почаще взглядывай.

Дробадонов. Положим, что и тут ты прав; но ты подумай, что говорят-то о тебе.

Князев. Плюю!

Дробадонов. Ну отчего бы тебе те злые речи не закрыть добрым делом, чтобы сказали, что и у Князева душа есть?

Князев. Плюю на то, что говорили; плюю и на то, что скажут.

Дробадонов. А ты не плюй.

Князев. Что-о-о?

Дробадонов. Не плюй – вот что. Погода поднимается: неравно назад откинет, в свою рожу плюнешь. (Подходит с значительной миной.) Говорят, будто ты утопил Максима Молчанова.

Князев. (с притворным удивлением). Неужто?

Дробадонов. Говорят, что когда Максим Петрович написал духовную, где, обойдя всю женину родню, завещал сына в опеку тебе с Мякишевым, ты никак дожидаться не мог, когда придут к тебе в руки миллионы.

Князев. Ишь какой шельма народ пронзительный: ничего от него не утаишь.

Дробадонов (подходя еще ближе). Говорят, что раз, когда вы купались втроем – ты, он, да Алеша Брылкин, – ты взял и начал окунать Максима Петровича Молчанова, да и закунал шутя; а как его закунал, тогда бросился за Брылкиным Алешей, чтобы и свидетеля не было. Тот уходил, молился, плакал; но ты и с ним покончил. Максим Молчанов потонул, и не нашли его. А Алешу ж Брылкина хоша и вынули и откачали, да что по нем! Уж он тебе не страшен: он с ума сошел и поднесь остался сумасшедшим и бродит в рублище; (махнув рукой) да в том, может быть, его и счастье, что он в рассудке помешался, а то ты бы и его спровадил.

Князев. Скажи пожалуйста... совсем бы уголовщина, кабы доказательства не Окой снесло.

Дробадонов. Что по Оке несет, то в Волгу попадает, и Волгою всю Русь проходит, и

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovniko1a1.ru
широкому Каспию жалуется. Не кичись, что доказательств нет: былинки, травки
шепчут их и господе и людям. Припомни: Валаам ослицею был обличен!

Князев. Да ты это что пришел мне здесь читать! Я, брат, к попу хожу.

Дробадонов. Я тебе сказываю, что народ говорит.

Князев. А я тебе говорю, что я на это плюю.

Дробадонов. Плюй, плюй, да уж к сему по крайности не согрешай. Наш день сел в
беззакониях за горы, и ныне суд не прежний. Гляди, неровен час, всплывут и
старые грехи.

Князев (взволнованно). И ты про новый суд! Холера это, что ли, этот суд, что все
вы так про него заговорили?

Дробадонов. Для иных холера.

Князев. А ты знаешь, что кто холеры не боится, того сама холера боится. Знать не
хочу я этого суда!.. Я не пойду на этот суд, где... тебя и всякого другого
такого скота посадят судить меня.

В раскрытом окне появляется смотрящий из купы сирени темного сада Алеша

Босый.

я никого не боюсь; я ничего не "боюсь; я холеры не боюсь, чумы не боюсь, тебя не
боюсь, суда не боюсь и сатаны со всей преисподней.

Алеша (унисоном протяжно). Утону!.. Ка-ли-и-на Дми-и-трич! Во-озьми меня
отсю-ю-да. Здесь... страшно... Утону...

Князев (вздрагнув). Что это! Вы меня пугать задумали! (Алеше.) Прочь, чучело!

Алеша, вскрикнув, убегает.

Дробадонов. Ах ты, ругатель! Гордыня-то тебя куда уносит. Сейчас ты ничего на
свете не боялся, а вот безумный старичок забрел - и ты вздрогнул. Чего ты на
меня остребанился? ведь я видел, как ты задрожал... Не я его подвел сюда, а,
может, это бог его послал, чтобы напомнить грех твой. Не пожалел отца ты, Фирс
Григорьевич, - пожалей хоть сына. Боясь тебя, никто на двор Гусляровых не пускает
жить; у меня вся хата с орех, да мать с сестрами, и тем места нет, - им некуда
даться, кроме Молчанова. Не доводи до этого. Не делай ты худой огласки. От того,
что Марину взял Молчанов, великая беда может родиться. Верни им домик, где они
жили, а если честью воротить не хочешь, так вот тебе Молчанов шлет три тысячи
рублей за этот домик. (Вынимает пачку ассигнаций и кладет их на стол.) Возьми и
выдай купчую, чтоб жили там, где жили.

Князев. Тьфу, пропасть! Да что ж это такое: везде на всякий час, во всякий след
Молчанов! Ему о них что за забота?

Дробадонов. Что ж, старуха мамкою его была, а молодайка в их доме выросла, они
детьми играли вместе... он человек богатый, не мот, не пьяница, не
расточитель... куда ж ему девать?

Князев (подпрыгнув). Что ты сказал? что ты сказал? какое слово?

Дробадонов, я говорю, что его достатки миллионы, а он не пьяница, не
расточитель.

Князев (про себя). Расточитель! (Распрямляясь.) фу-у! батюшки! Орлу обновилась
юность! (Громко Дробадонову.) Постой, постой!.. Да, хорошо... я дом продам - на
что ж он мне? он мне не нужен, продам и завтра выдам крепость... Но постой же,
братец, ведь это так нельзя. Живой человек живое и думает, и там кто его
знает... Нет, я деньги с глазу на глаз брать не стану. (Берет со стола
ассигнации и сует их в руки Дробадонову.) Возьми-ка, возьми пока, возьми.
(Растворяет, дверь.) Эй! Вонифатий Викентьич!

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же и Минутка.

Князев. Вот я здесь домик свой, что на провалье, продал Ивану Максимовичу, и то есть не Ивану Максимовичу, а Гусляровым, Марине Гусляровой, только на Ивана Максимовича деньги, так сядь-ка напиши какую следует расписку, что деньги, мол, три тысячи рублей за сей проданный дом нот Молчанова получил и обязуюсь в месячный срок совершить на оный купчую крепость на имя Марины Гусляровой, а расписку сию положили до совершения крепости дать за руки секретарю Минутке, (Сажая его за бюро.) Пиши так, как сказано. (Про себя с самодовольною улыбкою.) Очень бы хотелось мне видеть теперь какого-нибудь петербургского мудреца, чтобы он, глядячи на меня теперь, сказал, что это по его разуму я делаю? Нечего больше и сказать, что Князев дом продает... А Князев душу человеческую и всю совесть мирскую под ногами затоптать собирается...

Минутка. Готово,

Князев (скоро подписывается. Минутке). Подпишись свидетелем. (Дробадонову.) Теперь пожалуй деньги. (Дробадонов подает.) И ты также подпишись. (Смотрит через плечо, пока тот пишет, и потом, взяв в руки бумагу, читает.) Кипец Калина... как ты это, братец, скверно пишешь: не кипец надо писать, а купец. {Свертывает лист.} Минутка, спрячь,

Дробадонов. Прощай покуда, Фирс Григорьич,

Князев (быстро). А?.. Да! Прощай, прощай покудова.

Дробадонов уходит.

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же без Дробадонова.

Князев (посмотрев вслед Дробадонову). Ну что ж, брат Вонифатий, понял?

Минутка. Дом продали, я больше ничего не понял.

Князев. Ничего?

Минутка (пожимая плечами). Н...ничего. (Спохватывается.) Расписку уничтожить?..

Князев (злобно смеется). Ха, ха, ха! (Делая притворно свирепое лицо и наступая на Минутки.) Подай ее! подай сюда расписку!

Минутка (испуганный, защищаясь и убегая). Фирс Григорьич, Фирс Григорьич, я не могу... что ж вы это в самом деле... Фирс Григорьич? Вы деньги взяли, а я должен даром...

Князев. Давай, давай! я поделюсь с тобой.

Минутка. А сколько же мне? (Опять убегая.) Позвольте прежде: сколько же мне?

Князев (глядя на Минутку). Ну как же вас, таких-то поползней, не запугать судами да законами? Свет умудряется: везде, на всякий час искусства новые; а вы все только хап да цап. Это время прошло теперь, чтоб по-нижегородски соль красть. Нет, я, брат, не в вас! Это ты вот давеча с перепугу бормотал здесь, что уж тебе теперь и прикоснуться к взяткам страшно; а только посулили – ты уж опять и лапу суешь. (Смеется.) Ах ты, бесстрашный этакой! В такие времена, при таком суде брать взятки! Нет, я не беззаконник! Теперь кто глуп, так тот пускай законы нарушает, я чту закон. Сам на себя я, видишь, выдаю расписки. Как око, береги ее! Дом продан, только в нем не жить тому, кому его купили: на это есть закон.

Минутка. Такого нет закона.

Князев (нервно). Неправда, есть! (Бросает на пол к ногам Минутки лежавшую на столе пачку ассигнаций.) Бери! Три тысячи здесь: одну из них возьми себе; остальные же две представить в Думу и объявить народу, что бог послал мне

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
великую удачу в деле трудном и что за это я от своих щедрот плачу за бедных
города всю податную недоимку. (Подумав.) А на тот год дарю на подать (с
ударением) десять... нет! двадцать... тридцать тысяч.

Минутка. Что вы? что... вы? Откуда это будет?

Князев. Откуда?.. Отгадай!

Минутка. Нет, извините, не могу.

Князев (надевая перчатку). Я клад нашел.

Минутка (поникает головой и выражает недоумение). Ряхнулоя!

Князев. Аптеку, – понимаешь, аптеку выискал.

Минутка (не понимая). Какая аптека? Что это вы, Фирс Григарьич!

Князев. А что стряпчий-то писал: "нет, говорит, аптеки!" Вздор! есть аптека! И
не на сей день, а на два века та аптека.

Минутка (оглядываясь по сторонам в недоумении), Где вы это видите? Вы нездоровы!
Где аптека?

Князев. Она вот в головах в таких премудрых, как твоя, да промеж зубов, которым
чавкать нечего. Подай мне трость и шляпу... Нет, врете все: Фирс Князев не
пропал! Пусть черви грома прячутся, а стрепету за тучами еще простора вволю.

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же и две слободские девушки (пролезают в дверь. Одна постарше, очень
смела, другая молоденькая, робко жметя).

Князев (встречая их, обнимает старшую, которая вскрикивает; потом трется около
младшей и, когда эта закрывает рукою глаза, сажает ее на свою постель). Побудьте
здесь, Аленушка и Саша. Погрейте старичку местечко. А там вот в поставце винцо,
наливка и мятные груздочки. Покушайте покуда. Я враз сейчас вернусь.

Алена (развязно указывая на Сашу). Она робеет, Фирс Григорьич, с непривычки.

Князев (глядя Сашу по голове). Робеет. Ничего. Ты не робей: мы добрый.
(Минутке.) Ступай домой теперь. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 11

Те же без Князева.

Минутка (выпустив Князева, берет свою фуражку. Про себя). Домой? Нет, я уж лучше
за тобою издали пройдуся, поприсмотрю, что это ты затеял ночью. (Уходит.)

Занавес падает.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Кабинет Молчанова, убранный в современном вкусе.

ЯВЛЕНИЕ 1

Молчанов (одет в хороший летний утренний пиджак. Выпроваживая из своей комнаты
двоих детей). Ступайте с богом, резвитесь и играйте, только, пожалуйста, не
ссорьтесь. (Выпускает их за дверь и говорит с порога.) Прошу вас, няня, не
давайте вы им этих кошек мучить да собачек! Усердно вас прошу об этом.
(Затворяет дверь и идет к письменному столу, который стоит вправо от зрителей.)
Эх, не приведи господи воспитывать детей без матери, а еще хуже с плохую
матерью. (Садится.) Не женитесь, добрые люди, на деньгах... Если и за свою полу
недобрая женщина схватится, режьте лучше полу прочь да улепетьвайте. Что это вот
за жизнь моя! Как вспомню я, бывало, как я жил в Германии: до вечера на фабрике

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru работаешь, все учишься; домой придешь святая тишина в беленькой комнатке. Тишь, тишь, тишь; про философию даже рассуждаешь. Но надокучит эта тишь чужая – бежишь на родину... бежишь... и здесь встречаешь свару. Не по каким-нибудь таким причинам, которых отворотить нельзя, все отравляется, а вот словно в фантастическом рассказе: бог весть откуда что сыплется; летит неожиданное и засылает человека.

ЯВЛЕНИЕ 2

Молчанов и Минутка (который вскакивает через окно).

Молчанов (увидев в окне Минутку, делает в изумлении один шаг назад). Это что за явление? (Смеется.) Верно, гони природу в дверь, она влетит в окно.

Минутка (оправляясь). Пусть это вас не удивляет, Иван Максимыч.

Молчанов (улыбаясь). Однако довольно трудно и не удивляться. Ко мне этой дорогой никто не ходит.

Минутка. В наше время не всегда можно прямой дорогой ходить. Прикажете присесть или убираться?

Молчанов (улыбаясь). Это я предоставляю на ваш выбор.

Минутка. Я выбираю сесть. (Садится в конце письменного стола.) Вам угрожают большие неприятности, Иван Максимыч.

Молчанов (весело). Окажите, вы что ж, сегодня за кого?

Минутка (кланяясь). За вас!

Молчанов (строго). Благодарю покорно; но эта шутка мне не по – нутру.

Минутка. Фирс Князев вам приготовил западню.

Молчанов. Какую западню?

Минутка. Не знаю.

Молчанов (гневно). Вонифатий Викентьич! советую вам с вашими домашними в дурачки играть, а не со мною.

Минутка. Я не знаю, не знаю и не знаю. Понимаете; я, я, я хочу знать это – и не знаю; но ждите бед. По радости, которой он полон, он сделает столь страшное, столь скверное...

Молчанов. Что на него самого будет похоже. Минутка. Вы не шутите. Я знаю его: он никогда такой не был. Это уже совсем сатана во всей славе своей. Вы присылали к нему вчера Дробадонова? Он дал расписку Князеву, что вы купили дом Гуслиаровой.

Молчанов. Я присылал, покупаю. Что же далее?

Минутка. Расписку эту я могу... сберечь у себя и могу и возратить вам; а на ней что-то строится. Вы, кажется, мне не верите? Вспомните, что я ведь с вас ничего не требую за услугу.

Молчанов. Теперь я вам тем более не верю. С какой стати в вас явилось вдруг такое бескорыстное дружество ко мне, когда вы вечно служили врагу моему, Князеву?

Минутка. Как умному человеку, вам бы не грех знать, что служат чаще всего не тому, кого любят.

Молчанов. А кому выгодно служить, – я это знаю. Но отчего же меня-то вы безвозмездно защищаете?

Минутка. Ну, на это у меня есть свои виды.

Расточитель. Николай Семенович лесков teskovnikolai.ru
Молчанов (вглядываясь в Минутку). Нет; верно, не плохо ли фирсу, или вам не плохо ли от фирса?

Минутка. Может быть и плохо фирсу, и мне от фирса плохо, может быть плохо, но во всяком случае, чтоб вы знали, и вам плохо,

Молчанов. Он надоел вам?

Минутка. Да, немножко. Я порешил с ним кончить, тем более что теперь к тому и время пришло. Ему спасенья больше нет.

Молчанов. Как нет спасенья? А и чем опасность заключается?

Минутка. У него нечем заплатить денег, подаренных вами детским приютам.

Молчанов (удивляясь), фирсу Григорьичу нечем платить? Я думаю, он не хочет платить?

Минутка. Он не может платить. (Оглядываясь.) Мы с вами совершенно одни?

Молчанов. В этом, кажется, нет сомнения.

Минутка. Полагаю также, что нет сомнения и в том, что все, о чем я буду говорить с вами, останется навсегда между нами?

Молчанов. Я не выдавал никого.

Минутка. Потрудитесь не искать с Князева ваших денег. Их негде уже искать. Позвольте мне лучше его в Сибирь отправить. Я вам это очень советую.

Молчанов (встает). Господин Минутка, что это за тон? Что бы это могло значить?

Минутка. Стою за свою шкуру, Иван Максимыч. Виноват перед вами во всем главным образом один фирс. Воротить всего заграбленного у вас в течение двадцати лет невозможно. И я, и голова, и тесть ваш – все пойдем под суд и пропадем без всякой пользы для вас. А вот я вам представляю бумажечки, по которым фирс Григорьич один отлично прогуляется... (Отдает бумаги.)

Молчанов (пересматривая). Счет, расписка в получении денег за кладовую и накладная на какую-то мочалу... Я ничего не понимаю.

Минутка. Полтора года тому назад, ровно за три месяца до вашего возвращения из-за границы, у вас сгорели амбары, а в них две тысячи пудов хлопка. Товар этот не был застрахован; а не был он застрахован (помолчав) потому, что его совсем не было.

Молчанов (пожимая плечами в недоумении). Шарада за шарадой.

Минутка. А очень просто; привезли мочалу да сожгли ее за хлопок.

Молчанов (помолчав и вздохнув). Ловко, друг, мой, фирс Григорьич!

Минутка (вставая). Иван Максимыч! Я много виноват перед вами! Надеяться на какое-нибудь примирение с вами – это, разумеется, было бы довольно смешно и глупо; но я хочу вот чего: хочу одолеть свою гадость душевную и сказать вам: простите меня, бога ради!

Молчанов (грустно). Бог вас простит! (Подает руку, которую Минутка схватывает и мгновенно целует. Молчанов переконфуженный.) Что вы, что вы! Вонифатий Викентьич... Бог с вами! (Удерживает его за руки и ласково сажает назад в кресло.) Успокойтесь!

Минутка (горячо). А я за это весь ваш, весь, весь! и уж у меня фирс железных браслетов не минует.

Молчанов. Вонифатий Викентьич, я вижу, вы меня не понимаете. Слушая вас, поневоле вспомнишь, что "самая высшая хитрость на свете состоит в том, чтобы никогда ни с кем не хитрить". Будучи честным человеком, каким я хоть не везде,

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
но по некоторым статьям имею право себя считать, я ни в каких обстоятельствах не допущу вас сожалеть о вашей сегодняшней откровенности. Сказанное здесь - здесь умерло...

Минутка (кланяясь). Я в этом был уверен. Я всегда уважал вас за благородного человека.

Молчанов. Но вы напрасно думаете, что я желаю мстить Князеву. Взыскание с него я уступил приютам, чтобы меня не могли долго упрашивать эти денюга ему уступить или отсрочить их. Он не стоит этого. Но мстить... я не ищу этого. С Фирсом Григорьичем мои счета так велики и длинны, что их лучше не пробовать сводить. Они начались у моей колыбели и кончатся, может быть, в день смерти моей. Этот человек ехидством взошел в дружбу к моему отцу; он оттер от него мать мою; он уговорил отца написать завещание, по которому состояние могло перейти ко мне только в таком случае, если я, достигнув возраста, женюсь на Мякишевой. Иначе, за руками у Мякишева, было другое завещание, по которому, в наказание мне, целая половина этого состояния должна была поступить в пользу богаделен. По милости Князева я в наше просвещенное время в шесть лет сделался женихом четырехлетней девочки... Кроме того... кроме того, общая молва говорит, что по его же милости я менее чем через год после этого завещания сделался сиротой. Не знаю, сколько в этом правды, но...

Минутка. Но правда в этом есть! есть, непременно есть.

Молчанов. Да, если верить голосу народа - это правда; народ весь в одно слово говорит это.

Минутка. Шепчет. Не говорит, а шепчет.

Молчанов, Если верить чувству крови - это правда: она кипит во мне, когда я его вижу. Как бы я ни был спокоен, стоит произнести при мне его имя - и я не свой. Я не могу, не могу быть своим, потому что один вид его меня в бешенство приводит. Я не могу вспомнить, глядя на этого человека, как он в восемь лет выучил меня пить сладкую водку, в десять горькую, а в пятнадцать ром и шампанское, как сам он у себя на квартире сажал мне на колени французенок да танцовщиц; как я в его же глазах двенадцатилетним мальчиком резал штоссы и он за меня расплачивался... Уезжал он - я уже сам по его стопам ходил в праздники к этим танцовщицам и французенкам, проигрывал им; поил их; вексели им давал... Меня пороть надо было, а воспитателя повесить, а его все нахвалиться не могли. Хвалили! За что ж хвалили? Что с голоду не морил да в нанку не одевал? а он душу мою одевал в лохмотья. (Помолчав.) Остальное все идет сплошная мерзость: в двадцать лет боязнь потерять праею на имение ведет меня к женитьбе на девушке, к которой не чувствовал никакой привязанности; потом три года шлянья с своею тоской за границую; и когда б не открыл мне глаз Дробадонов, когда б он не поставил меня на нынешний путь, я был бы, верно, и теперь прежним поганцем и до сих пор довел бы уж мои дела до состояния, которого нельзя б было поправить. Так видите ли, как счета-то мои с Фирсом длинны и как я хорошо их знаю.

Минутка. О состоянии, Иван-Максимович, еще не беспокойтесь. Конечно, без состояния человек все равно что не человек; но вы... ваше состояние еще дай бог всякому. Вы все-таки самый богатый фабрикант в целом крае.

Молчанов. Ох боже мой! вы все о состоянии! Помилосердствуйте! На что мне жаловаться! У нас на Руси есть люди, которым тузами, капиталистами бы быть, а они у своих благодетелей приказчиками или кучерами служат, либо еще хуже того: папирсы в веселых домах гостям подают, да не жалуются. Нам это в глупость нашу ставят? думают, что мы уж и обиды чувствовать неспособны!.. Нет!.. (ударяя себя в грудь) чувствуем мы ее... чувствуем... так чувствуем, что, может быть, если бы об этом, о чем мы говорим с вами, на народе вслух заговорить, так тысячи сердец об самые ребра в грудях стукнулись бы... да не звери мы, чтобы место любить, и не шуты, чтобы на ветер жаловаться... (тихо) потому что и своей вины каждый из нас тоже в этом долю видит! Что Фирс! Фирс прах, ходящий на двух лапках; а вот то, среди чего этот Фирс вырос, - это ничтожество, это холопство... это равнодушие... с которым приходится сживать, которое приходится терпеть, - вот что, вот что непереносно! Нет... я не могу говорить об этом...

Минутка. Вы успокойтесь, Иван Максимыч! Я только ведь хотел вас предупредить... хотел сказать вам, чтобы вы... были осторожнее...

Молчанов. Благодарю вас. (Дает руку). Не думайте обо мне: я не боюсь врагов; я себя одного боюсь.

Минутка. Прощайте же, Иван Максимыч.

Молчанов. До свиданья.

Минутка идет к окну.

(Улыбаясь.) Неужто вы опять через окно?

Минутка. А что ж вы думаете?.. Э! чтоб вы знали, право, так лучше.

Молчанов. Да что вы, бог с вами! Что за охота! Будто я чужой какой! будто вы не могли зайти ко мне просто по какому-нибудь своему делу!

Минутка. Ох, Иван Максимыч! ох, Иван Максимыч! как вы плохо еще его знаете! Фирс не то, что на земле есть, а что под землею-то, и то он на семь аршин вглубь видит.

Молчанов. О, да бог с вами! Стоит ли он того, чтобы о нем постоянно думать! Но если вы уж непременно желаете делать секрет из вашего визита, то я сейчас принесу ключ от садовой калитки и через сад вас выпущу.

Минутка (останавливая его). Он нынче ночью ходил на телеграф и отправил в Петербург депешу своему поверенному и другую... (на ухо) Ефиму Гусярову... мужу Марины Николавны.

Молчанов. (вздрагнув и сжимая руку Минутке). Тссс.

Минутка (тревожно). Разве нас кто слышит?

Молчанов. Нет... не то... (живо.) О чем депеша Гусярову?

Минутка (пожимая плечами). Не знаю.

Молчанов делает нетерпеливое движение.

Не знаю, Иван Максимыч, не знаю и узнавать не хочу, потому что из его депеши ничего не узнаешь. Он пошлет депешу, что овса или гречи больше не требуется, а читать это следуете "потребуй к себе свою жену".

Молчанов вздрагивает.

(Минутка, сжимая его руку, говорит внушительно.) Хорошего ждать нечего: он зол на вас и на Марину Николавну. Надо быть готовым на всякое время и на всякий час все встретить... и (решительно) отпарировать.

Молчанов. Как отпарировать?

Минутка. Как? (живо.) Сегодня ехать в Петербург с Мариной Николаевной вместе: к отчету Фирса и в тюрьму! Да, вместе уезжайте, слышите! Если любите Марину Николавну, не оставляйте здесь ее: над ней беда висит не легче вашей.

Молчанов. Все это ведь пока одни лишь подозрения?

Минутка (смотрит Молчанову в глаза и вздохнув). Да, подозрения; а вы когда хотите защищаться?

Молчанов. Когда на меня нападут, когда...

Минутка (перебивая). Когда... (спохватясь) да, да, когда... когда увидим, что он против вас задумал. Да, да... Ну, я буду за ним смотреть во все глаза. А теперь, Иван Максимыч, проводите меня покудова. Неравен час, чтоб кто-нибудь к вам не зашел.

Молчанов. Сейчас. (Уходит в дверь налево.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Минутка (один). И этим не задел! Хе-хе-хе-хе! Подозрения! Нет, ты перекреститься, милый, не успеешь, как Фирс клюнет тебя в самую маковку!.. (Оборачиваясь к комнате, куда вышел Молчанов.) Ах ты, барашек, приготовляйся, друг, на заколенье! Не хочешь волком быть; не хочешь зуб иметь, что ж: самого съедят в бараньей шкуре. А я... Нет, мне ты насолил уж, Фирс Григорьич! Я двадцать лет терпел твою кацапью спесь; а нынче не из-за чего: сосать-то больше некого. А на отчаянность... нет, брат, при нынешних судах на эту штуку не пойду. Я уж себе собрал с ребятками на молочишко и другую дорожку нащупал... Одно до дьявола как глупо, что я вот этому кое про что понаемкнул... Боюсь теперь, чтоб ранее чем следует Фирс не прознал, что я с ним в союзе по-австрийски. Да нет! Молчанов честный человек, а честный человек в России мастер молчать, где ему молчать не следует. Нет, ничего!

За сценою слышен веселый голос Колокольцова.

Колокольцов (за сценою). Сейчас, кума, сейчас. Я только из купальни. Вода - как молоко парное! Просто божественно искупался.

Минутка. Голова Колокольцов! Вот черт возьми, еще этого осла тут нужно встретить! (Бежит к окну.) Нет, с сим писавый кланяюсь! (Прыгает в окно, роняя на пол перчатку.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Молчанов (входя). Вот и ключ. (Оглядывается.) Вонифатий Викентьич! Где же это он? Неужто же опять в окно стрекнул? (Смотрит в окно.) А!.. так и есть... Ишь, словно заяц, чешет... (Закрывая окно.) Ну, добрый путь тебе до ляску. (Садится.) Самое скверное изо всего, о чем тут говорилось, это то, что касается Марины. Я должен непременно о ней хорошенько позаботиться и не откладывать более этого: ее доля ужасна. Матушка моя ее мне в детстве в невесты прочила, а я из нее черт знает что сделал... То есть черт знает, что мы такое за люди! Чего? зачем я ее замуж выдал?.. Поблагодетельствовал... Не казалась вот ничем, пока девчонкой была, а как чужою женою стала - женою разбойника, - и рассмотрел ее, тогда и полюбилась; а ныне она все мое счастье. (Задумывается.) Эх, помню я, как, бывало, в Петербурге, белыми ночами слоняясь по островам, какие споры в юные годы вели мы про русскую женщину, (декламируя) "с которой никто не придет зубоскалить", которая "в беде не сробеет, спасет, коня на скаку остановит, в горящую избу взойдет", и думалось: о, если бы я эту женщину встретил!

В это время тихо входит голова, в белом летнем пиджаке, и с веселой улыбкой крадется к Молчанову.

А встретим живую такую женщину - не заметим ее; либо мимо ее - проста она нам кажется, не философствует, однообразием утомляет - и сами с рук ее сбывать хлопочем, и после вспомним про нее... смешно оказать, когда - разве когда некому тебе в дороге пуговицы к рубашке пришить или когда спохватишься, что глаз теплой рукой завести будет некому.

ЯВЛЕНИЕ 5

Молчанов и Колокольцов (стоя сзади Молчанова, закрывает ему своими руками глаза и держит).

Молчанов. Иван Николаевич! полно, пожалуйста, буфонничать. (Отнимает его руки.)

Колокольцов (весело). Чего ты? замечтался? Здравствуй, мой милый! А отчего ты отгадал, что это я?

Молчанов. Очень трудно отгадать! Один у нас буфон - голова городская. Садись-ка, закуривай сигару.

Колокольцов (садясь). А я, брат, зачем к тебе пришел? я нынче черт знает как расстроен.

Расточитель. Николай Семенович Лесков teskovnikolai.ru
Молчанов. Это отчего?

Колокольцов. Жена у меня очень скверна.

Молчанов. Что, хуже ей?

Колокольцов. Совсем скверна. Прескверное лицо – и ослабела. Такая злость, ей-богу! Посмотришь, в прежнее-то время какие были женщины, вон матушка моя сестру Наташу на сорок восьмом году родила. Даже стыдно, говорит, было ходить беременной; медики говорили: невозможно это; а она взяла да и сотворила "возможно" – вот ты и толкуй с ней: и ничего с нею не по-делалось. А нынешние, как выйдут замуж, так никакого удовольствия от них нет... (сделав гримасу) какое-то трень-брень с горошком.

Молчанов. Как фарфор бренны.

Колокольцов. Ни к черту, душка, не годятся! Говорят: отчего муж дома не сидит; да как, скажи пожалуйста, сидеть, когда все пискотня да стоны! Я, знаешь... я сравниваю наш век с римским, когда все римляне сидели у гетер. Что хочешь говори, а это мне понятно. Когда жена все эти мины корчит, а там, представь себе, роскошная этакая краса, этакая веселость, блеск, речь понятная, и весь ты нараспашку распахнешься... Ах, Питер, милый Питер! Ах ты, Мабиль в Париже! Какие пипиньки... Этот компрессик-то свой с ленточками на головенку как приколет... Какое остроумие-то! Ей-богу, день бы целый все сидел да пульсик щупал бы у этой Аспазии. (Грозя шутливо пальцем.) Но ты, я знаю, ты русской почвы держись – Марины Николавны.

Молчанов. Боюсь, что все вы скоро поседете: ничто от вас не скрыто.

(Колокольцов. Дайне скроется! Представь себе: зачем я к тебе зашел? Я ведь сейчас – всего за полчаса – полицеймейстершу голую видел в купальне. Я очень давно ее посмотреть собирался и двадцать раз говорил купальщику Титу: проверни ты мне, Тит милосердный, для меня щелочку в тот номер. Он, дурак, все начальства боялся; но я полицейскому солдату, что у будки на часах стоит, это поручил, он и провернул, и прекрасно, каналья, провернул: сделал, знаешь, такую щелочку и вставной сучок... Немец бы этого ни за что не сделал.

Молчанов. Где немцу!

Колокольцов. Да ты, я знаю, ты западник и этому не сочувствуешь! (Хватаясь за карман.) Ах, господи ты мой! твержу: западник, западник, а сам и позабыл сказать тебе, зачем я к тебе пришел... Какую мне, брат, Фирс Григорьич новость сообщил про наших славянских братьев! Я тебе скажу, я чувствую, что я с большим бы удовольствием катнул посмотреть на наших славянских братьев.

Молчанов. Ты, гляди, ты это не на компрессики ли с ленточками посмотреть в Петербурге хочешь?

Колокольцов. Н-нет! Как можно! Нет, я ведь в прошлом году не мог обратиться посмотреть своих заатлантических братьев: денег не было. Неужто ж я и этих не увижу? Я еще никогда не видал славянских братьев! Канунникш видел их, да ничего рассказать не умеет: как греки, говорит, на греков похожи... (Замечает у окна оброненную Минуткою перчатку, бросается и поднимает ее.) А это кто у тебя, милый, рукавички-то теряет? Кто это, милый, был у тебя?

Молчанов (всматриваясь). Это Минутка у меня был: за лечебником заходил.

Колокольцов. Минутка заходил на минутку, ха-ха-ха! – я давно сделал этот каламбур. "Минутка, пожалуйста на минутку", Он за это не сердится. Он преуморительный ляшок. Я, впрочем, не знаю, какого ты теперь мнения о поляках?

Молчанов. Да никакого больше.

Колокольцов. А нет, ты не шутя скажи, что они такое, по-твоему?

Молчанов (шутя). Черт их знает: помесь жида с французом,

Колокольцов. О-о-о-о! Нет, это, милый, не годится. Жид, чистый и мешаный, все

Расточитель. Николай Семенович Лесков teskovnikolai.ru
держатся одной политики:

Мне в глаза наплюй,

По лицу отдуй,

По щекам трезвонь,

Лишь карман не тронь:

В нем чувствительность,

Раздражительность.

А у поляков... у них есть что-то такое этакое... рыцарское... это... это, как тебе сказать, этакое все... у них вместе... дерзость и мерзость.

Молчанов. Похвалил!

Колокольцов. Да; но я говорю, что они все-таки амюзантная нация. Я не люблю, когда против них возбуждается эта ненависть. Это не в нашем характере. Разумеется, я говорю это не как голова; как голова я, конечно, где следует, иначе скажу, – но я это как русский человек говорю, как я чувствую. Я ничего не имею против поляков. Ты помнишь в Вене, что сделал один поляк с нашим русским? – дал ему одну брошюрку прочитать против австрийского правительства, а того бац ночью и обыскали. С тем лихорадка сделалась, чуть с ума не сошел от страху, что сошлют. Но этот поляк пришел и говорит: не бойтесь, говорит, это я, говорит, на вас наслал, потому что нам нужно было отвлечь внимание полиции от одного своего дела; я, говорит, и написал анонимное письмо, что у вас есть подозрительные бумаги... Ведь этакая верткая каналья!

Молчанов. Да уж чего еще не каналья!

Колокольцов. Но как ловко-то и в то же время ведь и совершенно безвредно! Ах, друг мой, я того убеждения, что ведь они не мы. Их положение другое. Мы ведь гиганты... наше имя исполин, а исполины всегда снисходительны. Ты вот, я знаю, ты не любишь Фирса Григорьича; а я его за что люблю? Я знаю что он – *entre nous soit dit* {Между нами говоря (франц.)} – мерзавец *cum eximia laude*, {С высшей поралой (лат.)} но я его люблю за его прекрасную натуру – за его русскую натуру. Он русский человек, и зато посмотри, как он снисходительно относится к полякам. Он говорит: что поляки? это вздор, говорит, поляки... Так-таки и говорит: "это вздор", их нет – и я в этом с ним совершенно согласен, потому что где же нынче Польша? Тютю, душка: мышки ее съели.

Молчанов. Да, черт бы их побрал: теперь, как клопы, ползут сюда, чтоб кровь сосать тихонько из России. Здесь подлецов и дураков еще найдется, чтоб с ними заодно якшаться.

Колокольцов. Догадываюсь! Бог знает чем отвечаю, что, сказавши "подлецов", ты это на Фирса намекаешь; ты Фирса очень не любишь. И я это понимаю. Я как-то очень долго размышлял: за что ты его так не любишь, и нарочно сегодня зашел к тебе оказать, что я открыл причину вашей ненависти: вы оба очень самолюбивы. Ты самолюбив, и он самолюбив. О, он чертовски самолюбив; он в этом случае... он даже до поэзии возвышается... Он во многом возвышается до поэзии; но в самолюбии он даже во вред себе возвышается до поэзии. Я этому вчера колоссальный пример видел; грандиозный пример. Я нарочно пришел сегодня рассказать тебе об этом. Вчера у меня генерал Ковалев сказал о Штукареве... Кто-то сказал, что Штукарев разорен; а Канунников, что ли, или не помню кто, говорит: "Э, говорит, это путный человек пропадет, а их брата, откупную пиявку, черт не возьмет". А генерал Ковалев говорит: "Да, говорит, Штукарев наш настоящий русский человек; я, говорит, совершенно в том уверен, что, пока он жив, никто в его делах ничего не разберет". Что ж ты думаешь, Фирс вынес это? Как бы не так! "Эх, ваше превосходительство, говорит, – да я, говорит, и умру, так после меня никто ничего не разберет", Можешь ты себе это представить – и здесь не упустил!

Молчанов (смеясь). Вот! как грач по пашне, прыгал с одного на другое: про все переговорил – и опять за Фирса! Когда б ты знал, как мне это надоело два часа кряду день изо дня все слышать: Фирс Григорьич да Фирс Григорьич, точно он здесь

Расточитель. Николай Семенович Лесков teskovnikolai.ru
какой король. Да черт его дери! Он мне вовсе не интересен.

Колокольцов (таинственно), А скажи, правда это, что ты на него иск детским приютам уступил?

Молчанов (снова рассмеявшись). Опять грачом запрыгал! (Серьезно.) А что такое?

Колокольцов (шутливо и робко). Ничего, душа моя, ничего... Но это, я думаю, ему... не по носу табак.

Молчанов. Я и не желаю его носа тешить.

Колокольцов. Да, да, именно носа не тешить. Есть на этот счет французская поговорка, только не к носу, а к плечи: *il ne faut jamais tеше de чужие ле плеше...* А? понял? По-русски это просто значит: не тешь чужую плешь. (Нагибаясь к Молчанову.) А знаешь ты, я, наблюдая твой характер, всегда сравниваю тебя с Сарданапалом, именно с Сарданапалом. Ты очень тих, и вдруг ты этак именно являешься Сарданапалом, которого век считали бабою, а он вдруг взял и сжег себя.

Молчанов (громко расхохотавшись). Ха-ха-ха! Ох! ты меня уморишь, Иван Николаич!.. Ха-ха-ха!

Колокольцов. Чего ты? чего ты? Ей-богу, Сарданапал!

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же и Мякишев.

Мякишев (входит). Здорово, зять!

Молчанов (встает, кланяется и снова садится). Здравствуйте, Пармен Семеныч!

Мякишев. Чего же это ты хохочешь? Фирс Григорыч такое под тебя подвел... статью такую вывел, а ты здесь шутки шутишь!

Молчанов (желчно). Что такое? Какую он статью подвел? Какое мне дело до его статей?

Мякишев. Дело!.. Да мне-то дело! ведь за тобой дочь моя.

Молчанов. Черт знает что это такое говорится! статью подвел, дочь за мной... В чем дело – расскажите?..

Коле кольцо в (шутя и заигрывая). Да я и забыл, мой милый... Я ведь за этим и пришел к тебе. Ты там своим рабочим долю назначаешь... Конечно, от нас, как говорится, хоть тридцать лет скачи, ни до какого государства не доедешь; но все же ведь... Это социализм. Конечно, все могут с тобой согласиться, что это полезно; но это...

Молчанов (перебивая). Это если, Иван Николаич, и шутка, так это очень глупая шутка. О каком социализме тут может быть речь, где все за каждый грош брата засудят?

Колокольцов. Да ведь однако же справедливо, что ты фабричным долю обещал?

Молчанов. Нет; это несправедливо. Это было бы слишком справедливо для моей несправедливости. Я хотел прибавить им жалованья, потому что нынче неурожай, хлеб дорог. Вы восстали против этого, просили меня не делать надбавки, чтобы и ваши того же не истребовали.

Колокольцов. Этого, душа моя, нельзя! какие же наши-то прибыли! Помилуй, а... я правду тебе скажу, я затем к тебе сегодня и зашел, чтобы у тебя тыщонку наличности перехватить, чтобы съездить славянских братьев посмотреть. Когда тут нам в эти годы с рабочими сентиментальничать! Ведь это в литературе очень хорошо сочувствовать стачке рабочих... Ты знаешь, что я и сам этому сочувствую и сам в Лондоне на митинги хаживал... Там я этому всему сочувствовал, хотя, я тебе скажу, что ж такое Англия? Я вовсе не уважаю Англию... Гм! стачки позволены – и

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
обок с ними лорды и крупное землевладение... Но когда это на самом деле,
когда... когда я сам сделался фабрикантом – это другое дело, душа моя! Это
стачки, это, это черт знает что такое для нашего брата! Да и, наконец, как
голова я должен тебе сказать, что это ведь и законом запрещено.

Молчанов (вспыльчиво). Убирался бы ты отсюда, Иван Николаич, поскорее к своим
славянским братьям и не мешал бы нам свои русские лапти, на оборы поднимать. Что
это такое? Про что вы встолковались? Я так хочу? Понимаете, я так хочу! Я
нахожу, что наши рабочие получают мало. Я хотел прибавить им вы воспротивились.
Из этого простого желания вы сочинили и распустили слух, что я у вас хочу лучших
работников хитростью отбить, а потом опять сбавлю цену ниже нынешней. Мастеровые
вам поверили... Что ж, на вашей улице праздник. Победители не судимы.

Колокольцов. То-то, я говорю, друг мой, надо знать нашего человека.

Молчанов. Черт его бери, нашего, не нашего: мне все равны люди. Я знаю, что они
голодны, и их голод мне мешает обедать спокойно. Я им сказал одно, чтобы они
составили артель, чтоб сами поручились мне за целостность материала, а я отпущу
смотрителей и раздам смотрительское жалованье рабочим. Кажется, я вправе это
сделать.

Колокольцов. Нет, не вправе.

Молчанов. Отчего?

Колокольцов (не знает, что сказать). Мм... м...

Мякишев. Да ты общественный человек, или тебя под крапивой индюшка высидела?

Колокольцов. Да, да! ты ведь не Фридрих Великий, чтоб каждому жареную курицу мог
к обеду доставить. Да и тот не доставил.

Молчанов. Извольте разбирать, пожалуйста: то социалист, то Фридрих Великий.

Мякишев. А больше всего, скажу я тебе, зять, ты шут.

Молчанов. Как это шут?

Мякишев. А так шут, коли ты на общую долю даешь, что еще самому годящее. Можно
пожертвовать, кто говорит, мало ли купцы на что жертвуют, да только ведь
жертвуют, так с умом жертвуют, с выгодой: или для ордена, либо что совсем
нестоящее. А ты, накося, от себя рвешь, да на мир заплаты съешь.

Колокольцов. Да; ведь именно прежде всего все мы, друг мой, мы общественные
люди... Мы этим должны гордиться. Но мы несвободны – это самое первое... мы
должны других слушаться... это наше коренное, наше русское... славянское...

Молчанов. Отстань ты от меня, пожалуйста, с твоим и с русским и с славянским!
Говори, в чем дело?

Мякишев. А в том дело, что как ты по-своему, по-ученому полагаешь: может ли тебе
общество затрещину дать?

Молчанов. Как это затрещину дать?

Мякишев. Так, взять да и вышвырнуть. Не надо, мол, нам, дуракам, такого умника.
Не знаешь, как из общества исключают? Приговор напишут, да и выключат.

Колокольцов. Общественный, душа моя, суд. Общество в этом неограниченно. Я затем
к тебе и пришел сегодня.

Молчанов. Ты пришел затем, чтобы сказать, что полицеймейстершу голуя видел.

Колокольцов (недовольно). Совсем не то! Это... мм-м... это другое... Я пришел
потому, что сегодня утром все наши первые фабриканты – Иван Петрович Канунников,
Матвей Иванович Варенцов и Илья Сергеич Гвоздев – подали мне бумагу, что ты
своими распоряжениями злонамеренно действуешь в подрыв нашей фабричной
промышленности, и просят тебя ограничить. Я вот зачем пришел.

Молчанов. Ты, Иван Николаич, в эту минуту мне напоминаешь того анекдотического бурмистра, который начинал свое письмо барину с извещения, что в его имении все, слава богу, благополучно, а под конец прибавлял, что только хлеб градом выбило, скот подох да деревня сгорела. Что ж ты мне здесь торочишь про полицеймейстершу, про атлантических братии, про славянских братии, а не скажешь, что против меня затевают мои русские братия?

Колокольцов. Да ведь я к этому ж и вел, душа моя, когда говорил с тобой про Фирса. Я говорил, что он удивителен... я не могу сказать: оригинален, а именно удивителен. Как бы о нем что ни говорили, но я должен отдать ему справедливость, что он владеет удивительной силой убеждения. Как он ловко основал все это! Вот как это у него написано. (Вынимает бумажку и читает.) Мм... м... м... да вот! "Такие несоразмерные надбавки задельной платы в подрыв другим фабрикантам невозможны со стороны человека, радеющего о своих пользах и выгодах, а свойственны лишь расточителю, стремящемуся предать свое наследственное имущество чрез свою расточительность последнему разорению и окончить банкротством, которую роль общество обязано предупредить и отвратить, сколь в видах сохранения общественного кредита, столь же и для того, дабы семейство сего расточителя, доведенное им до нищенства, не осталось на руках и на попечении общества. А что Иван Молчанов есть расточитель, то сему, кроме сказанного, доказательства следующие: он, окромя прибавки платы рабочим, забыв родных детей, намеревался пожертвовать двести тысяч в пользу детских приютов и преподносит покупаемый им на свои деньга особый дом со строением мещанской женке Марине Гусляровой".

Мякишев. Нехорошо, зятек, нехорошо.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же, Анна Семеновна и Марья Парменовна.

Марья Парменовна (быстро входя и вводя за руки двоих детей. К мужу). Что ж ты это и после этого еще муж, а не разбфйник? Есть же еще где Пилат хуже тебя!

Мякишев. Марья! Марья! Марья! нехорошо, нехорошо так с мужем.

Марья Парменовна. Что вы, папенька, вмешиваетесь? Это не ваше дело совсем в это мешаться. Между мужем и женою никто мешаться не должен; а я именно, как дяденька Фирс Григорьич советует, я суд соберу, и пусть нас рассудят, потому что он вор.

Анна Семеновна. Да и хуже вора гораздо.

Молчанов. Что это такое? Как вы смеете приходиться ко мне и говорить такие вещи?

Анна Семеновна. Да отчего ж правды не говорить? Мне десятский на рот бандероли не накладывал.

Марья Парменовна. Где ж тебе с вором ровняться? Вор что ворует, все себе тащит; а ты все из дому.

Анна Семеновна. Да разумеется! что ты с вором-то ровняешься? Вор вон наемни у нас козу украл, так он ее не чужим же потащил, а к детям к своим отвел ее, чтоб пропитание имели. Это, стало, отец. Он и побои за нее принял, хоть и не в дурном мнении и украл-то ее, а что краденая, говорит, молока больше дает. Так это рачитель. А ты, накося, по двести тысяч на незаконных детей жертвуешь! Ты бы хоть своих-то детей постыдился.

Марья Парменовна. Да ему что свои дети! Он им хлеба - и того жалеет. На что, говорит, вы их по десяти раз в день кормите? - они опухли от жратвы. Животы понаходил у них какие-то: как барабаны, говорит, у барабанщиков.

Анна Семеновна. Ах ты, безбожник ты этакой! Разве можно так про херовимов говорить: барабанщики? Ведь они бесплотные или нет: как же ты им есть-то отказываешь?

Марья Парменовна. Аглицкую болезнь отыскал в них.

Мякишев. Это не дело ты говоришь. Какая у купеческих детей аглицкая болезнь

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
может взяться? Так с сытости купцы пухнут.

Марья Парменовна. Опять же это вы так, тятенька, имевши разум, понимаете; а он этого ведь ничего понимать не может. (Выставляя детей на вид и оглаживая их.) Он даже и того не скрывает, что стыдится своих детей.

Анна Семеновна. Это законных-то детей стыдится?

Марья Парменовна. Уроды, говорит. Людям ему их, видите ли, показать будто стыдно!

Анна Семеновна. Да что их кому показывать-то? Чтоб еще сглазили! Тпфу! (Забирает к себе детей.) Они, слава богу, не дворянские дети, а христианские, не на показ растут.

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же и Князев.

Князев (входя). А все же, сватья, дворянские дети наших умнее. Дворянин с четверть роста всего, а спроси его, что, мол, такое грамматика? - говорит: "два солдатика"; а наш этого об эту пору не знает.

Молчанов (вспыхнув). Фирс Григорыч! Какое право вы имеете сюда войти? Прошу вас вон! Сию же минуту вон выйдите.

Князев (садясь). Не слушаю.

Молчанов (зовет прислугу). Люди! люди!

Марья Парменовна. Что! ты звать людей? (Бросается к двери.)

Анна Семеновна. Выскочи, выскочи, Маша, на улицу да заори хорошенько.

Марья Парменовна. Что, хорошо тебе будет, как народ-то соберется?

Молчанов. Что ты!.. безумная! (Схватывает ее за руку и возвращает на место.)

Анна Семеновна. Что тут безумного? Да на разбойника мужа только и sprawy, что на весь народ крикнуть.

Молчанов садится, махнув рукой.

Марья Парменовна. Я ведь тебе десять раз говорила, что я скандалов не боюсь; а ты когда боишься их, так так и веди себя, не затевай свары и покоряйся мне.

Князев (Колокольцову). Прошу вас, господин голова, его поурезонить.

Колокольцов. Постой, Иван Максимыч: мы к тебе собрались по делу.

Молчанов. Как, по делу собираетесь? По какому делу?

Князев. Сейчас узнаешь.

Молчанов. Что ж это, заседание, что ли, иль заговор?

Князев. Да, заговор. Не знать только, что заговаривать: не то одни зубы, не то всю гадину. Нет, брат, мы не заговорщики, а общественные люди. Заговорщиков вешают, а нам и бог, и царь, и совесть указали сообща вести мирской корабль и защищать вдовиц и сирот.

Молчанов. Но здесь нет ни вдовиц, ни сирот, и некому искать у вас защиты.

Марья Парменовна. Я, я прошу защиты!

Князев. Вот видишь, враз вдовица-то и объявилась, а сироты, по маломыслию, молчат, так мир за них и сам заговорит. (Строго и важно, стукнув в пол палкой.) Ты состояние родовое сотнями тысяч транжиришь; работникам счета свои фабричные

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
открывать собираешься; имение продавать надумал; да на всем честном народе от живой жены любовницу замужнюю к себе в загородный дом взял... Нет, брат (ударяя себя в грудь), мы не допустим этого! Мы, общество, боясь бога и совесть почитая, не допустим твоей семье погибнуть. (К присутствующим.) Господа! вы, голова, и ты, Пармен Семеныч, и ты, вдова при муже, и все вы, кто меня слышите! объявляю вам, что находившийся в моей опеке купец Иван Молчанов стремится к расточению своего имущества. Вот вам доказательства, что он позавчера купил для одной беспутной женщины дом (вынимает из кармана бумагу и передает ее голове), а вот другое, что он позавчера же подарил двести тысяч... двести тысяч, господа, подарил, и этот подарок едва мог быть остановлен...

Молчанов (быстро). Кто смел его остановить?

Князев (спокойно). Я.

Молчанов. Это ложь! Вы не могли остановить этого.

Князев (еще спокойнее). Отчего бы это не мог? Мы не в Сибири живем, да и там ныне телеграфы есть, а от сумасшедших и от расточителей нигде подарков принимать не позволяется. (Присутствующим.) С своей стороны, я один своими средствами все, что мог, сделал. Теперь уж вы за все в ответе.

Мякишев. Что ж, надо его ограничить.

Князев (подавая бумагу Марье Парменовне). Жена его просит вас, господин голова, не медливши ни часу, пока последует какой суд и приговор, устранить его от распоряжения имением.

Марья Парменовна подает голове бумагу, которую тот вертит в руках, недоумевая, что ему с нею делать.

Молчанов (вставая). Так это не во сне?

Князев (обтираясь платком). Нет, сударь, въявь.

Молчанов. Так это вы вправду собрались... меня связать судом, каким еще ни один человек на Руси не был связан?

Князев. Были, врешь ты, были,

Молчанов (горячо и решительно). Ну, были ли, не были ли, мне все равно. Но если вы нашли право так поступить со мною и если точно есть у вас такое право, так... так знайте ж и вы, и дети, и жена моя доносчица: я господин своим именьям! Пока вы свой холопий суд нарядите, я продам все... подарю, если купца не будет... подарю, первому нищему отдам, но этой гадине холодной (указывая на жену), которая перед богом обещалась беречь меня и перед людьми меня выдала на поруганье... нет ничего, ничего! Своих врагов награждать никто человека обязать не может.

Князев (подкрадываясь тихо, распахивает двери во внутренние покои, в которых на самом пороге стоят Минутка, Гвоздев, Канунников и Варенцов). Прошу войти вас, господа! Вы слышали?

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же и Минутка, Гвоздев, Канунников и Варенцов.

Все (входя вместе). Слышали, Фирс Григорьич, слышали.

Князев. Теперь извольте сами рассуждать по тому, что видите.

Гвоздев. Что ж, наш совет такой, каков и твой же, Фирс Григорьич: собрать все общество и ограничить.

Все (разом). Ограничить, ограничить.

Молчанов. Да это что ж такое? В дом шпионов ставить? Ведь не было же еще

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
покудова суда, и я покуда здесь хозяин.

Князев. Врешь: ты был хозяин, но с сей поры... ты расточитель! (Пауза. картина.)
А вот мы сейчас еще лучше увидим, кто хозяин. Хозяин дому не кинет, хоть варом
вари его, а прусак от слова вон побежит, кто на него слово знает.
(Присутствующим.) Я, господа, зараз, чтоб положить конец всему этому безобразию,
покончил и с его помощницей. (Вынимая из кармана небольшую бумагу и раскрывая ее
перед всеми.) Вот вам депеша из Питера от Гуслиярова: он просьбу шлет, чтобы жена
его Марина Николавна, которую и теперь скрывает у себя на даче Иван Молчанов,
была бы немедленно же выслана к нему к совместному сожительству; а до поры ее
теперь, я думаю, уже арестовали.

Молчанов (отчаянно). Га!.. (Опрометью бросается в двери и убегает.)

Князев (Марье Парменовне). Смотри, племянница, он бриллианты схватит!

Анна Семеновна (бежит). Ох, матушки! ухватит!

Марья Парменовна (бежит). Маменька, маменька, там еще шуба бархатная, что он
дарил.

Дети уходят с ревом.

Князев (присутствующим), Смотрите, он ушибет ведь баб-то!

Все, кроме Минутки, бросаются за женщинами.

(Посмотрев пристальным взглядом на Минутку.) Что?., как ты думаешь об этом,
Вонифатий? (Сжимая руку Минутки.) Вот то-то... Вы всю жизнь на этом ремесле
стоите, и крестят вас в такой купели в Польше, чтоб каверзу строить, а все...
без заговоров ничего не сделаете. У нас проще эта политика! Видишь, ты один дела
верти... да так, чтоб хвост не знал, что затевает голова. (Указывая назад на
дверь, куда вышел Колокольцов.) Не эта голова, что вышла, а вот эта (показывая
на себя), что дело доделывать будет. (Сухо.) Садись к столу и акт напиши о всем,
что было, и приноси туда для подписи.

Минутка садится к письменному столу Молчанова.

(Выходя на авансцену.) Ну, кашу заварил. (Тихо смеется.) Хе-хе-хе... в колокола
про суд ударили и звонят, и звонят... ха-ха-ха! Да что тут хитрого, в колокола
звонить! Вот вы пожалуйста прислушать, как я вам в лапти звякну. (Уходит.)

Минутка. Да, ты прав, пан Фирс, ты прав! (Берет себя за ухо и подражает Фирсу.)
"Делай так, чтоб хвост не знал, что затевает голова. Не эта голова, что вышла, а
вот эта (показывает на свой лоб), что будет дело доделывать".

Занавес падает.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Большая зала в доме купца Мякишева. Мебель старинная, обитая черным; по обеим
сторонам два одинаковые дивана; перед ними столы; бюро; часы с кукушкой; в углу
колонка красного дерева с букетом восковых цветов под стеклянным колпаком. При
поднятии занавеса через открытые окна комнат слышен со двора шум многочисленной
толпы народа. Шум начинается до поднятия

занавеса.

ЯВЛЕНИЕ I

Мякишев сидит за столом на диване; Князев помещается за тем же столом на
кресле; Минутка пишет.

Князев. Эк, как галдят!

Минутка. С утра стоят здесь на дворе; пекота, жарко; оголодали, Фирс Григорьич,
а суд еще, гляди, ведь не сейчас начнется. (Оставляя перо.) Иван Максимович,

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
говорят, только что сейчас приехал с дачи в город и зашел к голове, но голова его не принял.

Князев. Да; не принял. Ну что нам до того – принял или не принял. (Смотрит в окно.) Скажи, пожалуйста, чего это они все в одно место вверх смотрят?

Минутка (тоже выглядывая в окно). Галка вон на карнизе сидит. Галку смотрят.

Князев. Что ж она чудного делает, что они в нее воззрились?

Минутка. Ничего – хвостом трясет, а они смотрят.

Князев (смеясь). Эко дурачищи!

Народ (под окном за сценою). Ха-ха-ха! У-у! у! у! уре! Полетела! полетела!

Князев. Ха-ха! Что за скоты такие. (Минутке.) Поди-ка ты сюда. (Отводит его в сторону.) Там спылай кого-нибудь скорее в мой шинок, что на угле здесь ближе, и прикажи сидельцу, чтоб всем им в долг дал кто сколько вылопает. Понимаешь ли: не давать даром, чтоб не сказали, что я подпаивать хотел всю эту сволочь. В долг пусть лопают. Отдаст ли, не отдаст ли который, но только в долг давать... Беги.

Минутка. В минуту, Фирс Григорьич.

Князев (Мякишеву), А ты, отец, чего-то нюни распустил?

Мякишев (покачав головой, тихо). Жалко мне его. Я его люблю.

Князев. Чурилка ты, как посмотрю я на тебя, а не купец! Что, будем так к примеру рассуждать, – что, если я напьюсь допьяна, да в твоих глазах полезу в реку –пустишь ты меня? Топись, мол, Фирс Григорьич, я с тебя твоей воли не снимаю? или поприудержать безделицу? Что тебе долг-то твой христианской повелевает?

Мякишев. Да христианский долг, конечно...

Князев. Ну то-то и оно "конечно". Не то что просто приудержишь, а если буянить стану, так и свяжешь да положишь, пока умирать охота пройдет. Не что иное и с ним делают: он топиться хочет, а мы его удерживаем; он буянит – что делать, мы его свяжем.

Мякишев (тыкая в стол пальцем). Вот это-то вот, свяжем-то... слово сие жестоко есть.

Князев. А если Марьюшка к тебе назад придет на хлебы, да не одна еще теперь, а с внучками, которые все есть-то просят, сие не жестоко будет?

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и Анна Семеновна.

Анна Семеновна (входя с сердитой миной. К мужу). Да ты чего с ним, Фирс Григорьич, говоришь-то? О чем? Он ведь небось не понимает.

Мякишев. Небось понимаю.

Анна Семеновна (мужу). Ну как же! Не мало ты когда что-нибудь понимал. Видишь, осовел совсем; все спит. Теперь вон май месяц – народ в реке купается, а он, точно кот, все на лежанке трется. (Князеву.) Не слушай ты его, сват, ни в чем. Нечего его слушать. Делай, как ты сам знаешь. Ведь ты у нас, все знают, какой ты умный; тебя умней никого в городе нет.

Князев. Да, дураком не ставили.

Анна Семеновна. Да и Марьюшка вчера у меня вечером также была, так то ж говорит: как, говорит, дяденьке Фирсу Григорьичу, говорит, угодно, а надо, говорит, его ограничить. Не так, чтобы вполне, говорит, ограничить, а чтобы он только, говорит, ни до чего бы не доходил; а я бы, говорит, всем распорядилась.

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Князев. Ну разумеется она.

Айна Семеновна. Потому что иначе она его никак с собой к любви не приведет. Видишь, вон он как позавчера без всякого стыда махнул к Маринке, так и теперь до сих пор там... я не бывал к жене. Легко это ей, Маше-то? Да и скажи ж, сват, сделай милость, – скоро ее, Марину-то, вышлют? Ведь неприятно это нам, что она тут живет.

Князев. Ну погоди, вышлют. Надо, чтобы добро-то прежде было в ваших руках, а тогда в ваших руках и правда будет.

Анна Семеновна. Разумеется так! (Мужу.) А этот еще упирается.

Мякишев. Мне суда страшно.

Анна Семеновна. Какого это суда?

Мякишев. Страшного суда господня.

Анна Семеновна. Так, стало быть, суд-то этот над тобою над одним, что ли, будет? Над всеми ведь этот СУД будет. Так ведь на то же человеку положена молитва – отмолить можно. Да тебе и отмаливать-то нечего: ты молчи, да и только. Я, мол, что все, то и я; я ничего не знаю. Так тут и греха нет.

Князев. Вот видишь, жена-то у тебя какая мозговитая.

Мякишев машет рукою и уходит.

(По уходе Мякишева, фамильярно и с своеобразным куртизанством, к Анне Семеновне.)
Ах ты, копые мурзомецкое! Гляди, как она командует.

Анна Семеновна (улыбаясь из-под брови). У тебя научилась.

Князев (вставая и потирая поясницу). Э, девка, уж я и сам-то все позабыл: старо становится и ветхо.

Анна Семеновна. Нет, видно, ты стар-то никогда не будешь. У тебя, у старого-то, все, слышно, идет не по-старому, а по-молодому.

Князев. Толкуй. Нет, девушка, того уж нет, что тебе, может, помнится. Третьего дня, вечером, вздумал было на кладбище прогуляться. Приехал, ан уж ворота заперты и сторожей нет. Ах вы, волк вас съешь совсем! Через ограду думал перескочить... Что ж ты думаешь, ведь насилие перелез. (Бьет себя по коленям.) Тут-то вот... в хрящах-то жестоко стало... не то, что бывало... Помнишь, Нюра! где нам с тобой большой дороги не было? А-а! Помнишь, что ль?

Анна Семеновна (потупляя глаза и разбирая бахрому у платка). Чай ведь не вовсе беспамятная.

Князев. Ах ты, беспардонная! Уж я там, по кладбищу-то ходючи, тебя вспоминал, вспоминал, да и счет с памятью забыл. И тут-то Нюша; и вот здесь-то она; и вот тут не без нее... Тпфу ты, грехи наши тяжкие!

Анна Семеновна. Не со мной ты с одной там прогуливался: у тебя стать вешать – до Москвы на столбах по одной не перевешаешь.

Князев (перебивая). Да не про то, глупая! Я говорю, что, тебя вспоминаячи, вспомнишь, какой народ-то был. И промеж вашей сестрой, промеж бабами тогдашними, и то люди были. И строгость была, и мужья, и свекровьи, а у нас все, бывало, свое идет: о полвечерни режешь себе прямо на могилки; а Нюша уж там... (Заигрывает с ней.) Сидит, разбойница, на камушке в кленочках... дожидается... А-а? Ни за что не обманет... А? Помнишь, что ль? (Ласкает ее и смеется.) Хе-хе-хе-хе! Эх ты? звезда восточная!

Анна Семеновна (с притворным неудовольствием). Да ну тебя совсем! Нашел, про что и вспоминать? Знать, видно, молодые-то уж нонче прочь гонят, так хоть про старое поговорить.

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovniko1a1.ru
Князев. Опять же не про то! Что молодые! Тпфу!.. Козлихи они все нонче, и совки, да неловки. Их самих-то надо еще по всякий час учить... (Поглаживая ее по плечам.) Не то, что вот эта мать-лебедушка: босой ножкой, бывало, выйдет, встретит и проведет и выведет... (Берет ее за руку.) Ишь, окаянная, и теперь еще пульсы бьются!

Анна Семеновна (не совладевая с довольной улыбкой, отталкивает князева). По-оди про-очь!

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и возвратившийся Мякишев (входит и заводит у двери часы).

Князев (отходя на авансцену). Глупа, как ступа конопляная, эта женщина, а с большим огнем была. Чуть-чуть, бывало, ей кивни, она уж тут - и время выищет, и случай, и, как звезда, куда положено и катит, Смерть люблю таких женщин за обычай! (Секундная пауза.) Вот у Марины обычай совсем другой: это репеек колючий... (Опять короткая пауза.) Ну, да я и этаких тоже люблю. (Смеясь.) Хуже себе ничего не могу представить, как то, что после моей смерти на земле вино, деньги и красивые бабы останутся!.. (К. публике.) Вот так-то рассуждайте, кто как любит! Говорят: "я тебя всем сердцем люблю". По-моему, это ничего не значит. А я вот (потирая большими пальцами концы других пальцев)... я все чувствую... как только вспомню про Марину... так физические нервы мои болят. Особенно вот тут, вот в самых в пальчиках ноет... Весь болен даже стану; а мне свое здоровье мило... Да уж по этому по одному мне нельзя пожалеть Молчанова, нельзя, никак нельзя... я болен!.. Я не виноват, что это у меня так не проходит!

Мякишев (подходя). Знаете, я что? (Махнув рукой.) Я молчать буду.

Анна Семеновна. Давно б вот так-то лучше.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Дробадонов.

Дробадонов (входя, про себя). С лучком.

Мякишев. А, брат, Калина Дмитрич, здравствуй! Как? все ли в своем?

Дробадонов. Живу, Благодарю покорно. (Садится.)

Князев (про себя). Глядите, пожалуйста, этого только и боялся: и этот жук-отшельник выполз. В два года раз на сходку ходит, а нынче явился... Противный человек. Все его любят, а я век целый его терпеть, не могу. Но нынче ему подстроено, - спотыкнется.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же, Гвоздев и Минутка.

Гвоздев. Хозяевам и Фирс Григорьичу.

Князев. Здравствуй и ты, Илья Сергеич! А что, как твоя супружница?

Гвоздев. Благодарю покорно - опасности нет, - свинка у нее сделалась.

Минутка. В самой вещи свинка?

Князев. Ну... ты опять с своей самой вещью! У русских свинки в горле бывают. (Гвоздеву.) Фиалкового меду надо давать.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же и Варенцов.

Варенцов (князеву). Здоровья всякого.

Князев. Спасибо, брат, спасибо. Что это у тебя забор, что ль, новый нынче будут

ставить?

Варенцов. Нет, старенький пересыпаю, Фирс Григорьич. Что! уж с этими заборами у нас одна беда: без забора скотина все повытравит, а поставь забор – сейчас его народ на топку растащит.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Канунников, которому Князев подает руку и удерживает ее в своей руке.

Князев (Гвоздеву). А ты взакрой вели забор–то забирать, не на шипы чтобы сажали доску, а взакрой: доска взакрой сидит плотнее; а сверху скобочку пускай прибьют: так вот оно живет и плотно. А что воришки, так мы с головою на воришек открыли средство: на той неделе голова предложит приговор, чтоб их при первом же наборе всех без очереди сдать. В газетах поместим, чтоб всякий знал и, уж попавшись бы, на общество не плакался. (Канунникову.) А ты, наш Баян Петрович, будто нездоров?

Канунников (весело). Как быть здоровым, Фирс Григорьич, когда всю ночь не спал.

Князев. Банчишку, что ли, с головой метали?

Канунников (так же весело). Да нет! какое там банчишка! Собаки все проклятые. Вот надоели! То мечутся, то рвут, то воют... тпфу ты совсем, ровно в самом деле перед пропастью какою. Заснул было – надавило. Дай, думаю себе, спрошу, как старые люди учат: к добру или к худу? Спросил – говорит: "к худу". Ну где ж тут слать? А проснулся – опять псы воют.

Князев. А ты бы под собой подушку перевернул: они бы и выть перестали. Это у тебя жар в голове, с жару не спится.

Дробадонов (про себя). И тут знает, что посоветовать.

Канунников (смеясь). Какое с жару: со страху. На даче был вчера да запоздал: жутко одному; ночь темная, лошадь черная: не знай, на чем и едешь.

Князев. А ты б пощупывал.

Канунников. Да еще лошадь–то из рабочих, ленивая, ободрать ее, попалась, что не дошлешься ее.

Князев. Драться надо было с ней хорошенько, когда ленивая.

Дробадонов (очень громко). Ха-ха-ха-ха!

Князев. Чего так расхватило?

Дробадонов. С радости, что и с лошадьми уж учишь драться.

Входят еще несколько купцов разом и раскланиваются.

Князев. А вот и мир весь в сборе.

Дробадонов. Теперь можно и батьку убить. Минутка (взглянув в окно). Иван Максимыч идет.

Все. Тссс! (Кроме Дробадонова, все сторонятся, очищая дорогу от двери.)

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же и Молчанов (грустный, но спокойный, подходит к столу, за которым сидит Дробадонов. Молча жмет ему руку и отходит к окну и становится спиной к

тестю и ко всем фабрикантам. Пауза).

Канунников (шепотом). Тихий ангел летает.

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Князев (громко). Нет, не узнал. Ноне говорят: это мировой судья родится.

Канунников (смеясь). А воров страх берет.

Дробадонов неожиданно чихает так громко, что все вздрагивают и раздаются восклицания.

Князев (гневно). Тпфу! слон египетский, как испугал. (Минутке.) Ступай, проси сюда скорей голову!

Минутка (взглянув в окно). Они идут-с.

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же и Колокольцов с портфелем. С ним под руку Марья Парменовна. Все поднимаются.

Колокольцов. Мое почтение, господа! Марья Парменовна, прошу вас. (Указывает ей на место за столом. Садится рядом с нею и вынимает из портфеля бумаги.) Все здесь?

Дробадонов (вздыхнув). Которых надо – все.

Колокольцов. А, и вы, Калина Дмитрия, нынче с нами. Простите, не заметил.

Князев. Махонький – не вот-те-на его рассмотришь. (Общий смех.) Чихнул, так дома чуть-чуть не опрокинул. Вот то-то значит, что безгрешный человек: над ним хоть крыша упади, так он не побоится смерти.

Колокольцов. Иван Максимыч!

Молчанов молча отходит от окна и становится к столу, за которым сидит

Дробадонов, спиною к нему, лицом к голове и к усевшимся фабрикантам.

(Молчанову). Прежде чем я через минуту, как должностное лицо, открою собрание по вашему делу, я, как честный человек, прошу у вас извинения, что полчаса тому назад не мог принять вас.

Молчанов кланяется.

Я вас не мог принять как потому, что я вчера уже рассматривал с бывшими вашими опекунами ваши бумаги и составил себе о вашем деле определенное мнение, так потому, что в то время, когда вы ко мне заехали, у меня была ваша супруга и мы с нею рассуждали о вас. Я нарочно за тем пришел... Тпфу!.. Простите: я затем к вам обращаюсь, чтобы оправдаться перед вами.

Молчанов. Я не знаю, в чем вы так много извиняетесь: и оскорбление невелико, и всякий волен кого хочет принять или не принять в своем доме.

Дробадонов. На то ворота вешают.

Анна Семеновна. Нет, квартального, хоть и ворота есть, а не смеешь не пустить: в Москве купчиху за это новым судом судили.

Князев (про себя). Дробадон что-то дробадонит... Надо бы ему больничку в губу вдернуть.

Колокольцов (ко всем). Прошу занять место и объявляю вам, что заседание открыто.

Усаживаются в полукруг. Дробадонов и Молчанов остаются на прежнем месте.

Мы взяли эту комнату для заседания, потому что присутственная камера Думы тесна для такого большого собрания, в каком, по справедливости, следует судить дело Ивана Максимовича. Впрочем, Дума здесь же, за этою стеною, в доме Пармена Семеныча, и, я надеюсь, никто ничего не будет иметь против того, что мы

Расточитель. Николай Семенович Лесков teskovnikolai.ru
собрались по сю сторону стены, а не по ту сторону?

Молчанов. Не в этом дело.

Князев. Да, он умнее всех сказал: не в этом дело. Пускай дело начинается.

Колокольцов. Господа! внимание! (Минутке.) Читайте.

Минутка (берет бумагу и читает). "Душеприказчики покойного коммерции советника, потомственного почетного гражданина и первой гильдии купца, Максима Петровича Молчанова, а впоследствии опекуны и попечители единственного его сына и наследника, Ивана Максимова Молчанова, купцы Фирс Григорьевич Князев и Пармен Семенов Мякишев, довели до сведения общества и городского головы, что сказанный купец Иван Максимов Молчанов, с детства своего постоянно отличаясь страстию к расточительству, во время бытности своей в опеке, а потом до двадцати одного года, согласно желанию покойного отца его, под попечительством, был от сей вредной склонности постоянно воздерживаем".

Молчанов (перебивая). Позвольте!

Колокольцов. Иван Максимович, вы будете иметь слово.

Минутка (продолжает). "По достижении же законного совершеннолетия, он, Молчанов, чувствуя сам сию слабость и влечение к рассеянной и беспутной жизни, сам уполномочил бывших опекунов своих Князева и Мякишева доверенностию на управление своим имением, а сам провел три года за границею, для изучения будто бы торгового дела, но сего не исполнил".

Молчанов (перебивая). Чего не исполнил? чего я не исполнил?

Колокольцов. Иван Максимович, вы будете иметь в свое время слово.

Молчанов. Да это и есть мое время говорить, когда на меня клеветают. Я изучал фабричное дело и его знаю. Князев. Читай, Минутка.

Минутка (продолжает). "Прибыв же два года тому назад на родину и вступив в управление своим имением, в самое кратчайшее время привел все свои дела и счета в беспорядок; расходы по фабрикации непомерно увеличил; доходы же привел к существующему ничтожеству и, кроме того, обнаружил во всей своей силе свои прежние склонности к мотовству и расточительству, как то: занимал у разных лиц деньги и выдавал на себя векселя; векселей этих своевременно не оплачивал, а переписывал, увеличивая сумму; затем имеющиеся получения расходовал заранее самым безрассудным образом и претензию в двести тысяч рублей уступил в пользу приятелей вместо того, чтобы сею суммою расплатиться с долгами. И, наконец, он сделал безвкладными пайщиками в операциях фабричных ремесленников, дабы вредить прочим фабрикантам; купил дом для посторонней женщины в ущерб благосостояния своей семьи и, наконец, при многих свидетелях, подписавших акт, выразил неперемное свое желание расточить все свое имение, лишь бы ничего не досталось его жене и детям. Такой образ действия Ивана Молчанова, несомненно клонящийся к прямому его разорению, вынудил душеприказчиков отца его обратиться на сие внимание общества и просить об ограждении его наследственного имущества, составляющего обеспечение семейства, от разорения. Одновременно с сим подано прошение и женою Молчанова, Марьею Парменовною Молчановою, которая, подтверждая общее мнение, что муж ее есть расточитель, просит, в ограждение ее семейства от неминуемо угрожающей нищеты, взять мужа ее за расточительство в опеку". Молчанов (глядя на жену). В опеку! (качая головою.) Так вот кто первый выговорил это слово!

Князев. Кого это ближе всех касается, тот и выговорил это слово!

Варенцов (вздыхая). Нам исчужи жаль; а она мать.

Марья Парменовна (плача). Я мать; я должна детей обеспечивать.

Князев (Минутке). Дочитывай.

Минутка. "Городской голова, члены сиротского суда и Думы, рассмотрев все это дело, нашли представление купцов Князева и Мякишева, а равно и прошение жены Молчанова заслуживающими внимания и постановили передать это дело на общее

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
обсуждение всего общества и о том, что оно постановит, написать приговор".
(Кладет бумагу на стол.)

Колокольцов. Вот, милостивые государи, предмет нашего сегодняшнего собрания. Иван Макоимович и его супруга, голос которой имеет первое место, оба здесь.

Со двора слышатся нетерпеливые гулы толпы.

Купечество в полном сборе, мещане на дворе во всем своем составе (шутливо) и, как слышите, напоминают нам о себе этими воплями.

Дробадонов. Как вороны, крови ждут.

Молчанов вздрагивает.

Князев (тихо). Сейчас им стерву выкинут.

Колокольцов. Иван Максимыч! вам что-то угодно было сказать? Может быть, вы против кого-нибудь что-нибудь имеете?

Молчанов. Я против всех имею.

Князев. Никого, спасибо, не обидел.

Молчанов. Здесь всем выгодно, чтобы сделать мне какую-нибудь гадость; но я вас спрошу: по какому праву вы вздумали устроить этот суд? Пять дней тому назад меня никто не признавал ни расточителем, ни мотом, вы сами, господин голова, искали у меня перехватить тысячу рублей, для того чтобы истратить эти деньги на какую-то поездку. Я совсем человек был еще, такой же гражданин, как все здесь присутствующие, как Петр, Иван, Сергей: у меня можно было денег просить, и я мог дать их или не дать, считая вашу нужду не нуждою, а прихотью. И вы и каждый признавали меня в таком праве - и вдруг вы, те же самые, говорите, что я расточитель, и собираетесь отнять у меня вашим мещанским судом человеческие права, права, которые дали мне бог, природа. Где взяли вы такое право?

Князев. Минутка, прочитай ему закон.

Молчанов. Закон! Не нужно мне читать закона. Здесь дело не в законе. Ваши заботы не о том, чтобы обстоять закон, чтобы его исполнить, а о том, чтоб беззаконье сделать на законном основании. Таких расточителей, как я, полна Россия. Все люди расточители и все... быть может, более, чем я. Гусар, который без гроша верного дохода землянику ест зимой, по полтиннику за ягодку, - его в опеку; ремесленник, который в один час пропивает недельный заработок, - его в опеку; чиновник, который сто рублей в год жалованья получает, а в сто рублей жене одно платье шьет, - тож в опеку его...

Дробадонов. Этого хоть и в острог, так у места был бы.

Молчанов. Берите всех, всех в опеку... да и себя уж заравно в опеку сдайте. Так пусть и будет в круговую... даже в ландкартах географических, вместо Россия, пусть пишут Опека. Подводя меня под это, вы всех под то ведете и сами под то же лезете.

Колокольцов. Иван Максимыч, это все умно сказано и прекрасно, да к делу не идет.

Гвоздев. Ты дело говори.

Мякишев (подходя, тихо). А ты оправдывайся, Ваня.

Молчанов. Да не знаю я, в чем мне оправдываться! Во всем этом деле я дела никакого не вижу. Я вижу только одно беззаконие, взмашивающееся на закон; одну придирку и ничего более. Я не хвалю себя! я молод был, кутил, любил веселую компанию. Что ж делать! знаю сам, что, может быть, полсотни тысяч промотал...

Князев (Минутке). Запиши.

Молчанов. Но это было, да прошло.

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
Князев (сладостно). А на полсотни тысяч что ведь могло быть сделано-то? Ведь это пяти... да что я говорю: пяти! – десяти, пятнадцати семействам до веку кусок хлеба дать бы можно.

Гвоздев. По три тысячи... Это бедной семье довечный капитал.

Молчанов. Правда, правда. Прокутить полсотни тысяч – это большая низость; но удивляюсь сердоболью вашему о бедных. Все вы такие, как и я. Вот здесь, недалеко ходя, сидят – ну, три, четыре человека, которым случай кинул по миллиону: кто же из вас рвался, чтобы свою гортань или чрево жадное унять и вспомнить неимущих?

Колокольцов. Тут дело не о ближних, а о семье, Иван Максимыч.

Князев. Да, о семье.

Гвоздев. За семью твою боятся: ведь вон жена что пишет: расточитель.

Молчанов. Да позвольте мне спросить вас: вы отдаете отчет своим женам?

Несколько голосов. Да наши жены что ж понимают?

Канунников. наших баб с постелей вставать и то петухи учат.

Гвоздев. Ребят рожать им да рядиться – вот их ремесло.

Молчанов. Так что ж моя-то жена? Особенное она что-нибудь, что ли? Воспитали ее, что ли, как-нибудь особенно, что при ней муж ничего не должен значить? Учили ее, что ли, чему-нибудь полезному?

Анна Семеновна. Да чему полезному учить-то? Нешто в ученье польза-то бывает? у ученых денег-то меньше нашего.

Дробадонов. У нас то полезно, что в рот полезло.

Канунников (смеясь). Чего их учить-то, когда с ними и с неучеными не справишься! Хвосты в семь аршин пораспускают и ходят, как снофиды.

Колокольцов. Что ж, это только значит, что наша женщина в постоянном угнетении.

Молчанов. В угнетении! Гм! и вот она, угнетенная, пришла сюда судить пред всеми мужа! Она сидит здесь, с судьями моими, а я, которому она у алтаря господнего клялась быть мне подругою... нет... более того: господином, строителем семьи признавать меня... она мой обвинитель здесь; она сидит в почетном месте за то, что посмеялась над клятвой... Она, которой я перстом не тронул, которой сроду словом не обидел, сидит здесь с вами и судит мужа таким судом, каким еще Шемяка не судил, каким не дай бог Каину судиться; а я один стою, мне даже места нет; скамейки у коровницы не заняли, чтоб посадить меня по крайней мере!

Мякишев (встает и торопливо приносит Молчанову стул). Сядь, Ваня, сядь, несчастный!

Марья Парменовна. Ну вот тебе и стул – садись.

Молчанов (целуя тестя). Благодарю. Не надо.

Марья Парменовна. Вот ты ведь и всегда такой. Ведь вот при всех теперь оно и видно: какой ты? То жаловался, места ему нет, а подали стул – и не надо. (Как бы тронутая.) Ну, вот сюда иди, когда не хочешь там садиться. (Подвигаясь и освобождая место.) Иди же, что ль? (Переменяя тон.) Ведь кланяться не буду.

Молчанов (горько). Нам с вами вместе больше не жить и не сидеть.

Князев. Кто нынче с женами из образованных людей живет!

Марья Парменовна. Так что ж, тебе с чужою, стало быть, показано теперь уж жить? Стало, чужая лучше?

Князев. А как же не лучше? в чужую жену черт меду ложку кладет.

Марья Парменовна. Нет, ты когда женился, так живи. А не хочешь, так заставят.

Анна Семеновна. Есть же правило, чтоб жен к мужьям отправлять, если требуют, – так теперь новый суд, не беспокойся, и на мужей закон выдаст. И вас приводить будут.

Князев (с сдержанной улыбкой). Будут, сватья, будут. (Молчанову.) А ты, не так ты на это дело, друг Иван Максимыч, смотришь. Я, долго твои умные речи слушавши, вот что тебе скажу: строитель–то семьи ты строитель, а тебе жены чуждаться нечего, да и по нашему, по русскому закону невозможно. Ты сам ведь вспомнул сегодня, что вы с нею в церкви венчаны; а мы не немцы: у нас разводов нет. Она здесь просит на тебя! Да что ж такое? Мало ль жен, которые просили на мужей, не только что в обществе, а и у квартальных на мужей жаловались, да ведь не расстанутся же с ними со всеми мужья – живут.

Канунников (смеясь). А у мещан и у мужиков так еще и розгами мужа на сходке по жениной жалобе отжарют, а все опять живут. Домой придут, он ее пощелкает... (Махнув рукою.) У нас на этот счет просто.

Гвоздев. Куда поденешься! закон свой надо соблюдать.

Варенцов. И воют, да живут.

Молчанов (к голове). Иван Николаич, позвольте вас спросить, для чего я позван сюда перед обществом? За расточительность какую-то вы собрались судить меня, так прикажите про расточительность и говорить, а не про то... что здесь говорится.

Колокольцов. Иван Максимыч, ведь мы еще не парламент, нам парламентские формы чужды. Мы народ.

Князев. Мы простецы, так по-простому и рассуждаем, а по-ученому, по-заграничному не умеем и не поймем, пожалуй.

Колокольцов. Быть может, в этом есть связь во всем...

Анна Семеновна. Да как же не связно! Теперь уж заодно в одно время его судить и за расточительность и за нелюбовь.

Колокольцов. За нелюбовь, Анна Семеновна, нельзя судить.

Анна Семеновна. А отчего ж нельзя?

Колокольцов. Нет оснований нравственных; закона нет.

Анна Семеновна. А разве все по закону судят? Нет закона – по писанию судить можно.

Князев (улыбаясь). Ну полно, сватья, врать. (Молчанову.) А я опять тебе, Иван Максимыч, решаюсь доложить. Может, ты и вправду честный человек...

Колокольцов (перебивая). Да в этом, я думаю, и сомневаться невозможно.

Князев. Ну да. Честный человек у нас, говорят, одну жену обманывает: так уж, стало быть, и потому ты честный. А вот ты говоришь, что такое в твоей жене особенного. Я тебе расскажу это. Ты вспомнул, что там вам было в церкви пето, а песни–то эти, должно, не всегда памятовал. Пять лет ты, женатым бывши, по Венам да по Парижам разъезжал – много ты о ней там вспомнил? А ведь она здесь, как пташка, взаперти сидела; детей твоих глядела, а суперантов, как другие прочие, не заводила. (С ударением.) Имени-то твоего, беспутная ты голова, она ведь не замарала, хоша... стоил бы ты, может, того, и очень бы стоил.

Молчанов. Вы за собой бы лучше посмотрели, Фирс Григорыч.

Князев (гневно), я не бросал жены; домов любовницам не покупал.

Молчанов. А с заднего крыльца через садовую калитку всю слободу к себе переводили.

Колокольцов. Тсс! Господа! господа!.. Иван Максимыч, ведь мы не на площади.

Молчанов (горячо). Не позволяйте оскорблять меня. Против жару и камень треснет.

Колокольцов. Во всяком случае, Иван Максимыч, на оскорбленья можно жаловаться после; а домашними делами считаться здесь не место.

Варенцов (смирно). Особенно такими пустяками: ими как и считаться?

Гвоздев (вздыхнув). Такое дело бог один рассудит; а ты, милуша, прошлым человека не кори.

Дробадонов. И посейчас оно есть.

Колокольцов (улыбаясь). Калина Дмитрич... слово здесь ответственно.

Молчанов (всплеснув руками). О господи! И это мир, и это судьи! (Бешено к Колокольцову.) Решайте что-нибудь со мной скорей: я не могу здесь с вами оставаться! Это не суд, а разговоры возмутительные. Я не хочу этих разговоров слушать: у меня дело есть; меня люди дома ждут.

Князев. Не торопись, не всюду разом поспешай. Кто ждет, так подождет; а то другая речь – была б постелюшка, а милый найдется.

Молчанов (быстро скомкивает в руках шляпу, но, овладев собою, говорит спокойно). Я просто думаю, что вы издеваетесь; это болтовня какая-то.

Дробадонов, А дом, что куплен Гуслиаровой, – так это я соврал: дом этот я купил.

Общее движение.

Князев (смеясь). Ха-ха-ха, проворовался, грешник...

Молчанов (перебивая). Не надо лгать, Калина Дмитрич: я купил. До этого никому дела нет: я свое дарю.

Князев. Врешь, не свое, а детское.

Молчанов. Вы врете! Я своим детям отец, а не холоп кабальный, чтобы при них уже ничем не смел распорядиться. Я долг, обязанность имею помочь Гуслиаровым.

Анна Семеновна. Где ж это такая обязанность, в каком законе показана?

Марья Парменовна. А ты еще знаешь ли то, что от любви-то дети бывают?

Молчанов (презрительно жене). Знаю! Я и то знаю, что они, к стыду человеческому, у низких людей, каковы мы с вами, и без любви рождаются.

Канунников (весело). Ребята, что мокрицы, они везде водятся.

Марья Парменовна. Ну так что ж ты? Так ты и должен помнить, что ведь и других детей надо будет награждать.

Князев. Ну где там нонче дети рожатся, где их не хотят!

Молчанов (бешено). Господин голова! велите им молчать!.. Что это, в самом деле, такое? До чего это дойдет? Я протестуюсь и выйду вон отсюда.

Колокольцов (тупясь в бумаги). А для чего вы вздумали продать свое имение, Иван Максимыч, когда это тревожит вашу супругу?

Молчанов (вертя свою шляпу). Для чего?

Князев. Да, для чего? Ты не верти шляпы-то, а то голова болеть будет.

Молчанов (быстро скомкивает шляпу и в бешенстве бросает ее в князева. Все вскакивают). Вот для чего, чтоб этот гад из терпения бы меня не выводил.

Смятенье. Все встают.

Колокольцов. Иван Максимыч! Вы не в своем уме!

Князев. Я дураку прощаю.

Колокольцов. Но мы простить не можем: мы все оскорблены.

Молчанов (совершенно забываясь). Вы!.. Вы?.. Да что такое вы? (Указывая на Князева.) Когда он, вор, убийца, развратитель... когда он не боится вас, так что ж такое вы? (В азарте.) Я говорю вам: он убийца! Пишите протокол!! Он утопил в реке моего отца. Весь город это говорит!

Князев вздрагивает.

Что вы меня терзаете допросами, тогда как у меня отцовская кровь из сердца выступает!.. Вы злитесь на меня вытребовали... Я понимаю вас... вы все здесь князевская шайка!.. Кто не дурак, тот плут; а кто не плут, тот грош ему цена.

Князев встает и тихо машет рукою по направлению к двери, давая знак всем выходить. Ближайшие к дверям купцы тотчас же один за другим выходят. Прочие, не сводя с Молчанова глаз, тоже подвигаются к двери. Молчанов же, не

замечая этого движения, продолжает.

Вы понагнали во двор сюда мещанишек, из которых Князев давно весь мозг повытряс. Он их угощал через своих сидельцев. Он их страшил, что фабрики через меня позакрываются и через меня ни у кого у них работы не будет. Вы научили добрую мою жену просить на мужа... Зачем еще детей моих сюда не привели?

Марья Парменовна (проходя во внутренние комнаты). Нечего тебе здесь детей вспоминать.

Молчанов (Колокольцову). А вы! вы... голова, товарищ мой, вы с учеными, с поэтами водили дружбу. Социалист вы были, народник... славянин вы... вы из-за чего подличаете? Из-за того, что фирсовым радетельством попали в головы... Простите вы меня, вы... вы не голова... а черт вас знает, что вы... (забываясь) вы мерзавец!

Колокольцов быстро нагинаяется под стол и шарит там рукою.

Князев (Колокольцову). Чего вы ищете?

Колокольцов. Бумага, кажется, одна упала; да это ничего... (Не разгибаясь, выбегает на двор.)

За головою один за другим выходят остальные купцы.

Молчанов. Вы расточители!.. Вы расточили и свою совесть и у людей расточили всякую веру в правду, и вот за это расточительство вас все свои и все чужие люди честные - потомство, бог, история осудят...

Князев уходит в среднюю дверь и запирает ее за собою.

Не расточителем, а стяжателем великим буду... если бог поможет мне хоть все, хоть до последнего алтына все отдать тому, кто бы сумел вдохнуть живую душу в грудь моим, открытым всякому пороку, детям!..

Анна Семеновна (проходя во внутренние комнаты). А для чего же сказано: остави останки младенцам своим? (Уходит.)

Молчанов. Они богаче будут, оставшись нищими, да не с такой волей слабой и не с таким ничтожным сердцем, какое тут (бьет себя в грудь) - какое тут у их несчастного отца! (Бледнеет и падает без чувств в кресло.)

Дробадонов (сидевший до сих пор с опущенною головою во все время монолога Молчанова, быстро вскакивает). Что это? (Испугавшись.) Все ушли! (Вскакивает и

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru сильно хватает Молчанова.) Иван Максимыч! Не время спать! (В ужасе.) Он сомлел... Что делать, господи! (Бросается к двери.) Га! заперта! (Толкает дверь, но она не поддается.) Мы здесь в ловушке! (Кидается к Молчанову, схватывает его, бесчувственного, и тащит перед собой к окну.) Приди, приди в себя! Через минуту кончат суд и нет спасенья!

Молчанов (растрепанный). А!.. что такое? лес...

Дробадонов (открывает окно, через которое тотчас же врывается гул большой толпы; он держит Молчанова под плечи перед окном и кричит громко). Народ! мир! люди, на ком есть крест! кто в бога верует! глядите: это человек... (Замечая, что его не слышат, бросает Молчанова в кресло.) Не слышат! (Бежит с размаху в запертые двери и растворяет их. Пауза.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Молчанов (один, приходя в себя). Что?.. Где Калина Дмитрич? Все ушли... (Схватывает себя в отчаянии за голову.) Что это было? (С увеличивающимся ужасом.) Я их бранил, я вел себя как мальчик...

За сценой слышен голос Дробадонова: "Спросите совесть: что кому он злое сделал".

Пойду им в ноги кинусь... ведь осудят... (Прислушивается.) Калина Дмитрич говорит! (Падает на колени.) Великий господи! когда судили Гуса, соловей запел, и чье-то сердце дрогнуло от этой песни, - неужто же их и человеческое слово не тронет!

Слышен вдруг громкий шум снаружи и голоса: "Врешь! знаем мы! ты не учитель нам: нас Фирс Григорыч не обманет". Свист, гам и озлобленные крики: "Вон мускательщика! Вон Дробадонова!" Несколько рук вталкивают сильно

растрепанного и помятого Дробадонова в двери.

ЯВЛЕНИЕ 11

Молчанов и Дробадонов.

Дробадонов (в совершенно разорванном сюртуке влетает на сцену от сильного толчка сзади). Ух! (Оправляется.)

Молчанов (быстро вставая и схватывая Дробадонова за руку). Что?

Дробадонов. Опека.

Молчанов падает в обморок. Дробадонов поднимает Молчанова, расстегивает его жилет и дает ему со стола стакан воды.

ЯВЛЕНИЕ 12

Те же и служанка.

Служанка (вбегая на стук от падения Молчанова), Что это здесь упало, Калина Дмитрич?

Дробадонов. Что упало, то подняли.

Служанка. Что ж тут случилось?

Дробадонов. Деревня мужика переехала. Пошла, принеси мне иголку с ниткою, да поздоровее.

Служанка уходит.

ЯВЛЕНИЕ 13

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Те же и князев (входит с палочкою) и все, которые выходили с ним на суд,
кроме женщин.

князев (тихо колокольцову). Обирайте руки-то, не расходившись.

Колокольцов. Не расходитесь, господа! Прошу сейчас же подписать приговор!

Минутка кладет бумагу на стол, и начинается подписыванье. Подписавшиеся отходят и садятся. Молчанов в это время поднимается, открывает глаза и сидит

в остолбенении.

князев (на авансцене). Про что ведь говорил?.. Молчанов-то, я говорю, про что говорил? Смех! Ха-ха-ха! Только задень их, сейчас дурь замелят. Даже про историю... Ну скажите вы, пожалуйста, кто же этой парши у нас бояться станет?.. Сам себя осудил! (Вынимает из кармана маленькую бонбоньерку, достает из нее пастилку, и сосет.) А Дробадонов-то как было вырвался... Хи-хи-хи... Нет, это, брат, не то! Тебя за добродетели твои, за справедливости могут чтить, кто хочет... а тут на голодном брюхе музыка построена, а не на справедливости... Хе-хе... Я слово чуть одно сказал, а подголоски подхватили, что ты корысть имеешь в том, чтоб стали фабрики, ну и... на кулачьях вынесли... Но он уж начал не жалеть и самого себя: такие люди в обществе негодны. (Сердито оборачивается и громко.) Купец Калина Дробадонов!

Дробадонов (подписываясь). Пишет.

князев (с иронией). Что? от мира, видно, не прочь.

Дробадонов (кладя перо). На мир не челобитчик.

князев. А? (Подходит и смотрит в бумагу.) Опять "кипец". (Минутке.) читай!

Минутка (берет бумагу). "1867 года, мая..."

князев. Не все, а суть одну читай.

Входит служанка и подает Дробадонову иголку с длинной белой ниткой. Дробадонов садится на видном месте и начинает зашивать свой разорванный

народом сюртук.

Минутка. Мм... м... м. "А посему приговорили: признать его, Ивана Молчанова, на основании всего вышеизложенного, злостным расточителем

Молчанов быстро приподнимается.

и, в ограждение разрушаемого им благосостояния жены своей и двух малолетних детей, устранить его от права распоряжения своим имуществом и сдать оное в опеку благонадежным людям..."

Молчанов (перебивая). Что? что такое?

князев. В опеку. В опеку тебя приговорили,

Молчанов. Нет! Этого не может быть!

князев (сося пастилку). Ну да, не может.

Молчанов. Да где ж был этот суд?

князев. Вот видишь, за руганьем-то ты не видел, как и овин сгорел.

Молчанов. Тут разговоры одни шли.

князев. А разве в чем же суд, как не в разговоре? Ты все парламентов смотришь; а у нас это просто.

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
Молчанов (перебивая). За что же, Господа!.. За что в опеку? Помилуйте! мне тридцать лет...

Князев (ворочая во рту пастилку). Хотя б и триста; а мир тебя ребенком признал.

Молчанов. Господа!

Все тупятся и смотрят на Князева.

Фирс Григорьич! За что ты целый век меня преследуешь? Пусти меня на волю - я уйду! Или ты, может быть, униженья моего хотел?.. (Падает перед ним на колени.)
Смотри, я здесь при всех перед тобою на коленях... прости меня... прости меня... в моей перед тобою невинности! прости! (Кланяется в землю.)

Князев (проглатывая конфетку). Вот так-то бы давно, сынок! Не гордыбаченьем у старых людей берут, а почтением. А вы все, молодость, цены себе нынче не сложите. Мы, дескать, честь свою и гордость выше всего ставим; а все это вздор, ваши и честь и гордость! Пока лафа вам - ходите, как павы, хвост раскинувши, а сунет вас клюкою хороший старичок - и поползете жабами. Нехорошо так, друг!.. Ведь вот теперь смирился пылкий Шлипенбах - стоишь передо мною на коленях, и в этом умный человек тебя не покорит. Ты знаешь, перед кем стоишь; не пню почтеньем отдал. (Кладя ему на голову руки.) Ну, бог тебя простит. Теперь вот попроси людей, чтобы тебя простили за грубости.

Молчанов. Простите. Я себя не помнил!

Все (разом). Бог простит.

Князев. Нельзя так, друг, не помнить. Ну да уж это прощено. (Минутке.) Читай, Минутка!

Минутка. "И опекунами к имению Молчанова назначить жену его Марью Парменовну и с нею вместе соопекунном отца ее, купца Пармена Мякишева; а как сей Мякишев на сходе от такой обязанности отказался, то вместо его (откашлявшись) поручить сию должность с полною за целость имущества ответственностию

Молчанов встает с колен и остро смотрит на Князева.

купцу Фирсу Григорьевичу Князеву". Иван Максимыч, подпишитесь, что вам объявили! (Подает Молчанову перо.)

Молчанов (не принимает пера и вовсе не замечает Минутки). Ты! ты!.. ты мой опекун! (Бросается с азартом на Князева. Общее движение в защиту Князева.)

Князев (поднимая палочку против лица Молчанова и позируя). Иван Максимыч, не шали!.. У нас, дружок, для этаких хватов есть упокойчик темненький, в смирительном. (К обществу решительно.) С согласия моей соопекунши, сегодня объявляю всем словесно, а завтра пошлем в газетах напечатать, чтобы Молчанову ни от кого никакого доверия не было и никаких его долгов, ни векселей и ни расписок мы принимать не будем.

ЯВЛЕНИЕ 14

Те же и Анна Семеновна.

Анна Семеновна. Господа, прошу покорно закусить! (Все кланяются.)

Князев (спокойно). Адмиральский, Господа, ударил. Пора и закусить. (Уходит. За ним уходят все, оставляя в комнате Дробадонова и Молчанова.)

Молчанов. Калина Дмитрич! что ж это?

Дробадонов. А ты б поболее бесился.

Молчанов. Неужто ж это не во сне, а вправду?

Дробадонов (окончив пришивание, закалывает в спинку кресла иголку). Да, Фирс Григорьич молодец! И не один я его похваляю, а и черт, и тот его похвалит. (Идет

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
к дверям, куда все вышли во внутренние покои.) Пойду посмотреть, как запивает мир,
поевши человечины.

Молчанов (останавливая его восклицанием). Калина Дмитрич!

Дробадонов (оборотясь). Что?

Молчанов. И ты... и ты... ты, честный человек... один, которому я с детства
верил... и ты своей рукой подписал!

Дробадонов. Иван Максимыч, ты вправду, знать, не знаешь, что такое мир? Спроси о
нем мои бока. Редко я на него хожу, а все ж это им не первый снег на голову...
Один на мир не челобитчик. Тверез ты или пьян, все говорят, что пьян: ступай и
спать ложись, а то силком уложат.

Молчанов. Ты подписал! ты подписал!

Дробадонов (возвращаясь к Молчанову на авансцену и показывая обеими руками на
свою фигуру). Велик и силен кажется тебе купец Калина Дробадонов?... а мир ядуц:
сожрет, сожрет и этого с кишками. (Быстро поворачивается и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 15

Молчанов и Марина (которая входит со двора, тщательно закутавшись большим
платком, осматривается и, сбросив одним движением платок, быстро подбегает к
Молчанову).

Марина. Иван Максимыч!

Молчанов (вздрагнув). Марина! Бог с тобой! Зачем ты здесь? (Стараясь выпроводить
ее.) Беги отсюда! беги скорей! беги!

Марина. Не бойся. Я видела в окно: все за столом сидят. Я за тобой пришла, чтобы
ты не оставался здесь.

Молчанов (тревожно и как бы не сознавая, что говорит). Нет... мне отсюда
нельзя... Я Фирса жду...

Марина (решительно). Вздор говоришь! Иди! Тебе не нужно больше видеть Фирса!..
Идем!.. идем!..

ЯВЛЕНИЕ 16

Те же и Марья Парменовна (очень покрасневшая, с алыми губами, выходит из
внутренних покоев; она полупьяна. Увидев Марину, она тихо крадется к ним и
становится сбоку Гусяровой, не замеченная ни ею, ни мужем).

Марина (Молчанову). Не будь ребенком. Не злись и не ползай... Скорей, одной
минуты не теряя, в Петербург, ищи суда... В судах, в сенатах не найдешь защиты,
- к царю иди... пади к его ногам, скажи ему:

Молчанов, слушая ее, поднимается со стула.

Надежда, защити! я умален до возраста младенца! будь бог земной - создай меня во
человека... Идем! Я буду стоять перед тобой и молиться, чтобы господь управил
сердце государя. Идем, идем! что бы ни встретилось, живые в руки не дадимся!

Молчанов (дрожа повторяет). Я умален до возраста младенца... Будь бог земной -
создай меня во человека!.. (Бежит.)

Марья Парменовна (хватаясь за платье мужа). Куда? иуда? Я ведь все слышала...
Нет, я его не отпускаю.

Марина быстро выпроваживает Молчанова одним движением за двери, а сама
схватывает Марью Парменовну сзади за локти и, перекружив ее три раза около

Расточитель. Николай Семенович лесков teskovniko1ai.ru
себя, сажает на пол и убегает.

ЯВЛЕНИЕ 17

Марья Парменовна и Анна Семеновна (входит совсем пьяная и красная, как пион).

Марья Парменовна (сидя на полу, с улыбкою). У-у-ух, как вся земля закружилась!
Анна Семеновна (покачнувшись). Это тебе с хересу... У меня и у самой кружится...
Занавес падает.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Парк при загородном доме Молчанова. Между множеством деревьев вправо в одной куртине заметно старое, толстое дерево, в котором сбоку виден лаз в большое дупло. Вечереет.

ЯВЛЕНИЕ 1

Марина и Дробадонов (сидят на дерновой скамье под старую липу).

Марина. А ты думаешь, я сама спокойна? Знает про то только грудь моя да подоплека, как я верю в хорошее.

Дробадонов. А я опять скажу, не про что много и беспокоиться. Я для того и приговор подписал, чтобы и спора из пустого не заводить. Сегодня вы с Иваном Максимычем выедете; через четыре дня в Питере, и дело это нам только за смех вспоминаться станет.

Марина. Все не про то ты говоришь. Опеку снимут, разумеется. Ну, а дальше что ж?

Дробадонов. Да дальше то ж, что было...

Марина. Славное житье!.. А все я виновата: сколько любила, вдвое того погубила.

Дробадонов. Не было в его жизни и до тебя много путного: души он честнейшей, да не строитель, по правде сказать. Так бы, прямою дорогой, да с прямыми людьми, он бы еще жил ничего; а тут, чтобы у нас, промез нашим народом жить, надо, чтоб шура-то у тебя слоновая стала. Тогда разве вынесешь. А ему где это вынести: с него со всего кожа-то совсем словно содрана; к нему еще руку протягивают, а уж ему больно – кричит. Наш народ деликатности не разбирает, и этак в нем жить невозможно,

Марина. А главней всего, что все спуталось да перепуталось. Чтоб в нем душу поднять, я его тешила тем, потому что имя государя в такую минуту много значит. А просить – как просить? (конфузась.) Это хорошо с чистой совестью и к царю и к богу, а мы... Как он против своего закона, как и я... (Махнув рукой.) Где еще тут и рот разевать!

Дробадонов (вздыхнув). То-то пузо-то у нас все в жемчуге, а сзади-то и у тех, которые чище-то, и то на аршин грязи налипло. О-их-хе-хе-хе-хе... Ну, да нечего и беспокоить государя: уповаю несомненно, что все это и так, по закону сделается.

Марина (задумчиво). Надо уж было ему одному-одинешеньку жить; не путаться, не запутываться, чтобы не за что брать его было.

Дробадонов. Разумеется, так бы лучше было; да ведь и одному с горем тож нерадостно.

Марина (живо). А ты думаешь, что когда б не горе его, так промез нас что-нибудь стало бы? Ни в жизнь жизненскую! Горе это его меня ко всему к этому и вывело. Все было слышу, такой он, сякой, негодящий. Жена сама корит: уж что ж тут – стало быть, либо жена непутящая, либо это все правда? Вот и пойдет вспоминаться,

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
как мы детьми, бывало, играем... В мужа с женой, бывало, все играли (сквозь горькую улыбку)... не знали, что не муж с женой из нас будет, а чертово радовище... (Утирает тихо слезу.) Ах, какое чудное было дитя! Я такой доброты, такой нежности с той поры ни в одном ребенке не видела.

Дробадонов. А вот эта нежность-то на нашем народе, видишь, чем сказывается. Сам нежен, да и от других все нежности ждет. А нету ее - он сейчас на дыбы.

Марина. Он простодушный.

Дробадонов. Простодушный!.. А это тоже не везде кстати. Нас ведь этим не удивишь. У нас будь прост, рубашку скинь, - скажут, может еще крест серебряный есть на шее - его подай. У нас требуется, чтобы человек был во всеоружии своем, а не простоквашею да нетерпячкою. Это все ему еще белою соской рыгается.

Марина. А все, будь у него в семье все как следует... Не таких, да и то берегут, ни до срама, ни до позора ни до какого не допускают,,

Дробадонов. Разумеется. Если бы ты бы жена-то его была, ну ты бы его сберегла и понежила и не допустила до этой несносливости. Так что ж, и тут ведь опять, и в этом деле ему его белая соска мешала. На тебе надо было жениться, надо было половину гамзы потерять. Он женился на той, которая у него все взять норовит.

Марина (не слушая). Чудное было дитя!.. Я, как оса, так и росла такая ехидная. Бесстыжая была я девчонка, заведу его, бывало, куда-нибудь в ров или в сад далеко и приблю. (Утирает глаза.) Ежели есть что у него - отниму, - он все было терпит... А раз покойница мать увидела, как я его толкла на грядках, да есть не дала мне за это, и он есть не стал... ну, скажи ты пожалуйста!.. (Плачет.) Взрыдался, всплакался: "Мою Маринушку! мою Маринушку! не обижайте мою Маринушку!.." Ах, чудное было дитя! ах, дитя было чудное!.. Ах! (ударяя себя в грудь) ах! когда б знали... вы, как я его любила!.. Мне десятый годочек ишел, когда его в Петербург увозили... я себя не помнила, что со мной было. Фирс с ним в карете сидел; а я все догнать их хотела... бежала, бежала, пока ямщик кнутом чуть глаза все не выстегал... ножонки подкосились, как цыпленок в пыль и упала.

Дробадонов. То-то, дитя, не след, видно, нам, пешеходам, гоняться за теми, что ездят в каретах.

Марина. Милый! хороший мой! смысл-то во мне какой в ту пору был? Я и через шесть-то лет, когда их венчали с Марьей Парменовной, не умнее была: сквозь народ в церковь пролезла, да о бок с ним становлюсь, чтобы будто мне с ним это венчание пето... Да и, кроме того, я скажу тебе, я ведь какая-то порченная, что ли: ни жизни, ни смерти мне нет, пока не добыюсь того, что в голову вступит. Из чужих краев когда он вернулся, я ведь уже тогда три года замужем была... В эту пору мы мельницу в Балках держали... Услыхала я, что он вернулся, что его здесь все злосудят опять, - вот словно могилу мою разрывать начали: так встосковалась. О полудне, как жар, бывало, нахлынет, разморит всех, спят, а я уйду тихонько под скрын, где вода бьет с колес, и веришь ли - кто-то со мною там все говорил... и я не боялась этого говора... я сама говорила о чем-то... Чародейкою стала... в грозу с серебра умывалась, чтобы ему полюбиться... в страшную бурю бегала в степь его по ветру кликать... (в экстазе) и один раз... Это ночью случилось под Ивана Купала... мужа не было дома... о полуночи буря такая поднялась, что деревья с кореньями на землю клала... Темень и грохот этот душили меня. Я горькими слезами плакала, о чем - и сама я не знала... и тут в лицо мне все что-то из-за плеч, то с одной, то с другой стороны, взглянет... Я сорвалась с постели. Не помню, куда бежала, а только его все звала и... (вздыхнув) и тут он пришел... На охоту ходил; сбился с дороги... (Поникая головою.) Ни жизни, ни смерти себе не чаяла, пока с ним, как хотела, не свиделась... Спознавались сладко, а теперь тяжело расставаться... (Восклоняясь.) Калина Дмитрич! скажи мне: нам надо расстаться?.. Скажи?.. Ведь это, ведь все через меня поднимается вьюга? Ему было бы легче, когда б я, лиходейка, на шею ему не повисла... Не вкусивши любви, не так к ней манится... Он бы к детям ютился. - Правда? Калина Дмитрич!.. Калина Дмитрич!.. да что ж ты молчишь!

Дробадонов. Что, дитя, говорить против правды?

Марина. Ты посоветуй, как быть мне?

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
Дробадонов. Советовать надо, когда человека заблужденье; а тебя господь сам ведет к чему-то чудуому, так уж не человеку тут учить, когда он сам твоей души огненным перстом своим касается.

Марина (строго). Слушай! Пока его судили, - я над собою суд сотворила. Господь вправду был в душе моей... Наш путь, которым мы идем, кривой; а по кривой дороге вперед ничего не видно. Все это я решила кончить. Я с ним, как сказано, поеду в Петербург... поеду для того, чтоб поддержать его теперь... а там, как он с делами справится, я скроюсь... пропаду... со слуху сгину... Он попечалится; тоска в делах пройдет... а мне...

Дробадонов (перебивая). Постой, постой, не части так часто. Помысел твой - помысел великий! От бога к нам, не от сластей земных такие помыслы нисходят; а с даром божьим бережливо обращайся. Ты говоришь: "что мне!" то есть тебе-то что? Ты сама о себе не думаешь; а в воле божьей, чтоб всем было добро и никому зло. Ты пропадешь, и слуху о тебе не будет. Ведь это ты ему по всякий час упрек создашь! Где ты? что сделалось с тобою? Быть может, в воду бросилась из-за него или бродягою непомнящей пошла в Сибирь по пересылке?... А может, и того еще хуже... вступит, пожалуй, в сердце, что, может, ты и любви-то его не стоила... Этого с душой человеку перенести невозможно. Нет, друг, не пропадай, живи ему в подкрепление! Не бегай от любви. На что? В любви господь нам указал спасать друг друга! (схватывая ее за руку) но сотвори свою любовь во благо... Ты за его детей теперь в ответе! Его жена безумная законов ищет... да что закон в семейном деле может помогать! Она о деньгах упадает... да что ж в тех деньгах детям, когда нет сеятеля с ними, который сеял бы живое слово в их малые души? Ты только уразумей, что значит отец? Про птичье молоко хоть в сказках говорится, а отцовского слова довечного дитя и в сказке не услышит.

Марина (падая на грудь Дробадонова), Детки, детки! Ах, как мне жалко их!

Дробадонов, Усугуби ж для них свою любовь к отцу. Любовь не разлучит отца с детьми: то грех, то сласть земная разлучает. Воздвигни свою любовь превыше этой сласти; его своим примером склони к тому же. Раостаньтесь, но пусть он знает, что ты жива, что с тобою ничего худого не сталося и главное - что ты любишь его. Это большая сила несчастливому человеку. Не отрекайся от своей любви, зане я знаю, что любовь твоя, слезой твоей омытая теперь, будет безгрешна! (Пауза.) Встань, голубица, встань! через час надо вам ехать. Он там бумаги уж все приготовил. Теперь время удобно: поди к нему с ласковым словом, с открытым лицом. Если и тяжело на сердце, как я и ожидаю того, - терпи... виду не дай, что страдаешь... Будь весела, если можешь, о чем попало говори, будто как это даже и в раздумье тебя не вводит. Слышишь, моя детка?

Марина (воскляясь и отирая слезы). Нет, нет! не бойся: я сердца не выдам. (Закрывает глаза платком.)

Дробадонов, Иди ж! Слезы твои будут в радость тебе... Детей его мать с бабкою учат тебя проклинать, а ты научи их благословить тебя. Их детское сердце и теперь уж, может, слышит, как твое сердце для них разрывается; а вырастут они, их почтению к тебе меры не будет. Ты счастливица в женах: твой рай сегодня начнется, как только ты вымолвишь слово...

Марина (сквозь рыдания). Дети, дети! я отдаю вам вашего отца! (Быстро убегает.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Дробадонов (один). О лебядь белая!.. о лебядь чистая!.. о лебядь прохладная!.. (Задумывается.) Нет! Не в любви людская погибель, а в том, что мала людская любовь на земле, что не выросла она еще на вершок выше звериной. (Задумывается и садится. В это время за сценою слышна приближающаяся песня.) Уж пошабашили фабричные. Пора! (встает.) надо им до свету добраться до станции, чтоб взять почтовых; а ночь-то вся нынче с воробынный нос. Бог знает, все чего-то сердце замирает. Спаси их господи: они теперь на твой правдивый путь готовы! (Идет и встречается с фабричными.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Мастеровой Павлушка Челночек; старый ткач Спиридон Обрезов; приезжий парень

Расточитель. Николай Семенович лесков teskovniko1ai.ru
и фабричные (выходят неспешными шагами).

Челночек (играет на гармонии и поет).

Ах, когда бы эту кралию

Подержать бы мне за талию.

(Встречаясь с Дробадоновым, снимает шапку и кланяясь.) Здравствуйте, Калина Дмитрич.

Фабричные (все кланяются и несколько голосов). Наше почтение, Калина Дмитрич!

Дробадонов. Спасибо вам. Здравствуйте, ребятки! (Уходит.)

Все подходят к скамейке, с которой встал Дробадонов, и располагаются на ней, кто сидя, кто полулежа.

Челночек (поет).

Ой, что же вы, ребята, приуныли? Иль у вас, ребята, денег нету?

Обрезов (Челночку). Или еще, пустая голова, не все песни пережевал!

Приезжий парень. А кто это у вас такой, что с нами сейчас сустретился?

Обрезов. Приятель хозяйский, купец Дробадонов. По душе и по совести первый человек у нас в обществе.

Приезжий. А собою на вид сколь ужасен,

Челночек. Калидон; это он тот самый и есть Дробадон Дробадоныч Дробадонов, что, сказывали, что с одной стороны на медведя похож.

Приезжий, Скажи, антиресный какой! А должно еще того антиресней, что за супруга под пару ему пришлось?

Челночек. А он у нас буки ер – кавалер, еще женишок по сию пору.

Приезжий. Неужто не женат? Это уж по купечеству не годится без хозяйки.

Челночек. А неш их мало у нас по городу, хозяйек-то? У нас из эстого просто.

Обрезов. Что ты это все врешь-то? Кто это про Калину Дмитрича сказать может?

Челночек. Я совсем и не про него, а так говорю, что у нас насчет женского пола, все подушевному, по простоте. Надоть было обществу по-настоящему воспитательный дом, как в Петербурге, построить; ну да у нас про то покудова в слободе сталоверы: что угодно детей берут, только сдавать поспевай.

1-й фабричный. А то тоже в колодезь – так и там они каши не просят.

Челночек. Ну, это только Князеву такую механику подстроили, потому по-настоящему из-за чего у нас их губить, когда сталоверы сколько хочешь берут и в свою веру крестят; а уж это в колодезь – это не иначе, как на злость сделано, и я вот, рука отсохни, знаю, что больше никто другой это сделал, кроме как бабушки Дросиды Аленка.

1-й фабричный. И поделом ему, Князеву-то.

2-й фабричный. Хоть бы и вдвое он поплатился, не жаль бы его.

Челночек. Да он, небось, и не поплатится. Что ж ему такое, что в его колодце ребенка нашли? Колодезь на улице – не мало кто мимо его ходит. Самого б его если б туда головою...

Приезжий. У вас, я вижу, этого Князева терпеть не могут.

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
Челночек. Не могу-ут! С чего так, милый человек, не могут? Нет, брат, у нас мир-то того доброго короля стоит, что всем восхотел в своем королевстве угождение сделать. Докладают ему: пусть, говорят, пресветлый король, в нашем королевстве хоть разбойникам худо будет. Нет, на что же, говорит, их обижать: кто ж, говорит, у нас пося того без них людей будет резать? (Хохот.)

Обрезов. Шут его знает, что он только мелет, пустомеля!

Челночек. Я, братцы, в Питере жимши, раз в Лександринском театре видел, как критику одну на купцов представляли. Выставлен бедовый купец; ну а все ему против нашего фирса Григорьяча далеко. Тот все с бабами больше баталь вел; а гусар его да пароме обругал, он так и голосу против него не выискал. Ну а наш ведь, одно слово, во всей форме воитель. Я в прошлом году, как у головы приезжий чиновник обедал, за столам прислуживал, так подаю кофей, а они меня не видят, потому что разговор у них неприятный. Чиновник говорит фирсу: "Я, говорит, ясно удостоверился, что вы, фирс Григорьяч, здесь точно помещик на поместье сидите; все здесь по вашей дудке пляшет: все торги или выборы, какие бывают, то это только проформа одна... все вы кому хотите сдаете, кого вам нужно на общественные места сажаете"... А он сейчас этак спокойно взял его, этого чиновника, вот этак за пуговку, крутит ее, эту пуговицу, промеж пальцев, да и говорит: "Охота вам, говорит, ваше превосходительство, этакому вздору верить; вот мне, говорит, ваше превосходительство, один человек тоже за верное сказывал, что вы изволите взятки брать, так разве я этому верю?" Чиновник так и сел. (Хохот.) Одно слово, кабы этому нашему фирсу Григорьячу да хвост приладить, так и собаки не требуется. (Хохот.)

Обрезов (вздыхнув). Одуо слово, за наши грехи у нас Терехи дьяки.

В это время по сцене проходит тихо Алеша Босый и скрывается в своем дупле.

Приезжий. Это что за человек?

1-й фабричный. Купец был, да, тонувши, тронулся в уме.

Приезжий. Скажите, страсть какая!

1-й фабричный. Он смирен: никого не трогает. Облюбовал вот сад хозяйский, вон там в дуплице и ночует. Не любит только, если к нему подойти туда изнавести, и то не сердится, а с перепугу обхватит и держится, что никак не оторвать его. Все думает, что тонет.

Челночек. А я опять, ребята, к фирсу. Что я на него, братцы мои, только, в Питер ездивши с ним, посмотрелся! Молодчина! Поедем, бывало, на бал куда или в маскарад: я сию с шубой на лестнице, - смотрю, что ни лучшую какую барыню, французенку там или англичанку, мой фирс Григорьяч и тащит; а какую пониже сортом - Иван Макоимыч. Привезут их домой, и уж тут такое колыванье пойдет, что аж чертям ужасно - ничего не пожалеет для женщины. "Что, говорит, вы вулеву? Потому вулеву вы, говорит, так вулеву; а не вулеву, так и как хотите". - "По болоту, говорит, охотиться хочу, амазонкой". - "Делай, говорит, нам, Пашка, болото". Ну и лей на пол шампанское по самые щиколотки. "Будь, говорит, лягашом, запей", - я лягу и локчу, а она смеется. Скусное вино - прелестное. (Обтирает губы.) А наутро, глядишь, Иванушко, хоть молодешенек, да головы не поднимет, а этот соколом встрепенется, подкрасится, подфабрился, взденет фрак и пошел к министрам там да к сенаторам дела обделывать. Устали ему никогда нет,

1-й фабричный. Да и посейчас он такой.

Челночек. Ему, брат, так кукушка накуковала: ему, пока под святые положат, перемены не будет.

1-й фабричный. Они помрет-то, так его не сразу похоронишь.

2-й фабричный. Да одно слово - анафема.

3-й фабричный. Разбойник.

4-й фабричный. Блудник и душегубец.

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Челночек. А что про блуд, так вы это и оставьте! Это вот этот змей, что в сказке сказывается, что из озера выходил, да что ни есть всех первых красавиц-то себе забирал, – это вот он самый и есть.

Обрезов (тихо). А не к лицу б уж бабушке девичьи пляски.

Челночек. Ну, это ты напрасно его, дядя, бабушкой-то зовешь! Он еще как ястреб: зацелует курочку до последнего перушка. (Понизив тон.) Он, вот видите, ноне все бросил и за Мариной Николавной попер... уж это он от нее теперь ни в жизнь свою не отстанет.

Обрезов. Врешь ты, дурак, не такая Марина Николавна.

Челночек. Да уж какая она ни будь, от него не отвертится. Ни одной ведь такой еще не было. Он уж, я знаю, он чего захотел, так он ведь, не ест, не пьет, глаз не сведет, а все думает, и уж тут вот скажи ты ему, что его смерть за это ожидает, пусть вот море целое перед ним разольется, он так и в море ползет. А опять же и то сказать, что ведь и господь бабу из кривого ребра создал: никто ведь и за нее вперед отвечать не может.

Голоса фабричных. Не такая Марина Николаева.

Челночек. Опять же таки я ведь ничего в ее обиду не сказал. Я так говорю, что кто знает, что бабе на ум придет. Вон мне в Петербурге сказывали, что там одна барышня арапа родила. (Хохот.) Чернищий-пречерный, говорят, родился, и как только родился, сейчас как гаркнет по-черкесски: я, говорит, в вас пынжал пуцу! Окрестили в нашу веру – перестал.

2-й фабричный. Да, за женщину как поручиться!

Челночек. То-то и дело. Кто ее знает, что и от нее отродится. Ведь вот с хозяином проклажается же. (Насмешливо.) Может, разве, что у них промеж себя ничего опричь такой любви и нетути.

2-й фабричный. Это никак невозможно.

Челночек. Ну, это тоже опять нельзя сказать, что невозможно. У господ есть такая ухватка, чтоб вдвоем черта дразнить. Сядут, обоймутся, да: "ах, как я вас!.." а та: "ах, сколь я сим счастлива!.." (Хохот.)

1-й фабричный. Вот и у хохлов безмозглых тоже такая мода.

Челночек. Да, да, да. Жил я у князя Репнина, в Полтавской губернии, в имении, тоже видал это: сядут хохол с хохлушкой где-нибудь над оврачком или над рекой, да и заведут (пародирует): "не помогут слезы счастью"... а естественного ничего.

1-й фабричный. У нас этого нет.

Челночек. Как можно! (Сплюнув.) У нас из эстого просто.

Обрезов. Что вы все про какой вздор мелете! Вот уж сколько раз я заметил, что где только этот Пашка замешался, там уж добрых речей не дожидайся. Давайте лучше про дело-то потолкуем. Иван Максимыч ведь сейчас придет и спросит, что же мы артель, что ли, составим? Надо это порешить. Он так хочет, чтобы всех приставников, что за материалами смотрят, прочь. Сами, говорит, устройте, чтоб нечего за вами смотреть было, и как воровства не будет, я вам процент дам.

1-й фабричный. Какой такой процент?

2-й фабричный. Это не слыхано.

Обрезов. Да ведь вам в толк об этом Иван Максимыч рассказывал.

1-й фабричный. Поняли мы! да ведь кто его знает.

2-й фабричный. Опять как же ты за других поручишься, что он не украдет?

Голоса. Это никак невозможно.

Обрезов. Да с чего кто красть-то станет, если друг за друга поручимся?

1-й фабричный. С чего? Мало ли с чего кто крадет!

Приезжий. Иной привычку такую имеет, что к этому привержен.

2-й фабричный. А есть такие, что просто со скуки крадут.

Челночек. Да это что про то толковать! без этого никак невозможно.

Обрезов. Что ты это врешь-то! Почему это невозможно?

Челночек. Потому, что мы в этом деле вроде как порченые: даже кому и не нужно, не своей охотой крадет.

Обрезов. Эка дура, что городит! Да ты сам-то русский или турка?

Челночек (вздыхнув). Я не русский и не турка, а из Питера фигурка.

Обрезов. Да турецкое у тебя и рассуждение.

Челночек. Нет, дядя, я знаю, что это тоже неспроста, а по благословенью делается.

Обрезов. От кого ж это могло быть такое благословение, чтобы красть?

Челночек. От странника. Ходил такой странник по свету и был уловлен от двенадцати язык и пропят на древе, и никто за него не заступится. Вот как он на древе начал томиться, и начали люди приходить к нему с жалостию, чтобы спасти его. Сунулись первые немцы, потому без них и вода не освятится, их везде спрашивают. "Господине честной, говорят, хочешь ли, мы тебя отторгуем?" Он покивал на них головою и говорит: "Ступайте, торгуйте себе целую жизнь". Так они по этому слову его завернулись и пошли, и все торгуют, и до века всем торговать будут. Тут сейчас французы, народ атаккой верткий. "Господине честной, давай, говорят, мы тебя отвоюем". - "Ступайте, говорит, воюйте себе целую жизнь". Таки они все и будут целый век воевать, и все без толку. Тогда уж наши русаки, - как они против немцев и французов, разумеется, обстоятельней, то видят, что не хочет он ни торговлю, ни отъемом спастись. "Господине честной, давай, говорят, мы тебя уворуем". А он нам и брякни: "Ступайте, говорит, воруйте себе целую жизнь". Вот нам этого никак переступить и невозможно: мы и воруем.

Обрезов. О брехун, брехун! Так стало уж, по-твоему, до веку нам со всеми этими художествами и не расстаться?

Челночек. Как можно до веку художеству быть? Это все до тех пор художество, пока у петербургских свинтусов в грудях живое сердце забьется. Мне один человек на Неве на перевозе сказывал: "Видишь, говорит, молодец, перед художеств академией две каменных собаки в колпаках лежат? Это говорит, не собаки, а свинтусы. Из города Фив, из Египта их привезли; с тем, говорит, их и привезли, что пока в этих свинтусах живое сердце не затрепещется, до тех пор чтоб ш-ша! чтоб ничему, значит, настоящему не быть, а будет все только как для виду". Так и Иван Максимыч, хоша он и желает это сделать, но только все это для виду будет. Да и то сказать, сам-то он еще против Фиреа уцелеет ли? Не довелось бы еще скоро ему самому из-под печи поросят мануть.

Обрезов. А типун бы тебе на язык за это.

Челночек (сухо). Да ведь это вчерне сказано: коли не нравится, и похерить можно.

Приезжий. Ноне суд не такой, чтоб такие беззакония с рук сходили.

Челночек (вздыхнув). Что суд! Что такое, милый человек, суд! У нас до суда заворотят тебя туда и сюда хуже мороженого. Неужли ж ты так думаешь, что если этот суд точно правый, так против его упираться будет некому? Наш брат в самый последний секунд - и тогда еще норовит штуку выкинуть, чтоб от чего следует уворачиваться. Я вот вам к примеру скажу, я в Вильне видел, как поляков вешали.. Идут, бывало, который еще с фантазией, а который плачет. Ну уж как увернуться, и

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
думки в них не видно. А наш и тут свой термин держит: все норовит на выдумки. В Крыму я, в ратниках бывши, видел, как двух мешанишек вешали, что провиант неприятелю продавали. Так и не очень чтоб авантажно их и вешали-то – в простой деревушке, – ну только всех нас эти висельники посмешили. Спрашивает одного командир: не имеет ли, говорит, какой просьбы? – "Имею", говорит. Что такое? "А чтоб меня за шею, говорит, ваше благородье, не вешать, потому я, говорит, щекотки боюсь..." Нет, брат, хоть ежели чему и неминуемое быть, так все это хоть на минутую чем-нибудь за угол заводить станут.

Приезжий. А вон это, гляди, ваш хозяин с компанией идет.

Челночек (заглядывает). Он и есть. Иван Максимыч, Дробадонов и Марина Николавна. Вот ты теперь и посмотри ее: одно слово, хрящик.

ЯВЛЕНИЕ 4

Показываются вдали Марина Николавна, которая ведет за одну руку Дробадонова, за другую Молчанова. Фабричные встают и отходят в сторону.

Приезжий. Может быть, уйти нам отсюда.

Челночек. Нет. У нас из эстого просто – никому гулять не заказано.

Молчанов (в пальто с дорожною сумкою через плечо). Здравствуйте, ребята!

Голоса. Здравствуйте, Иван Максимыч!

Молчанов и Дробадонов садятся на скамейку.

Марина. Ребятки! слетайте кто-нибудь в дом, принесите оттуда сюда столик, и самовар пусть сюда вынесут. Только живо, ребятки!

Челночек (выдвинувшись впереди всех). Сейчас, Марина Николавна.

Марина. Да Дейчу вели, чтобы бутылъ вина прислал. Хозяин вас желает попотчевать.

Челночек (живо). Сейчас. (к фабричному.) Андрюшка, дуем вместе.

Убегают. Прочие фабричные отходят далее. Молчанов снимает с плеча сумку и кладет ее.

Марина. Вот видишь, Ваня, как хорошо и как легко теперь на свет смотреть. И выйдет все наше горе не к горю, а к радости. Не грянул бы гром, мы бы не перекрестились! (Живо.) Спасибо тебе, Калина Дмитрия! Десять раз я тебя уже благодарила, а еще и в одиннадцатый не погнушайся. (Подает ему руку.) Дай я тебя, Калина Дмитрия, поцелую! (Встает и быстро его целует.) Спасибо, друг наш истинный! Ты нам голову поставил на плечи.

Дробадонов. Ну легко ли – есть за что благодарить! Слово сказать всякий окажет, не всякая только душа принять его может.

Молчанов. Нет, брат Калина Дмитрия, твоей услуги я повек не забуду. Спасибо тебе, спасибо. (Жмет ему руку.)

Дробадонов. Теперь справляй дела, да не сердись: помни, что на Руси у нас на сердитых воду возят.

Молчанов. Дела! (Вздыхнув.) Да, буду делать дела и вернусь... и все здесь застану... (берет за руку Марину и с чувством) все постылое будет, одного милого не встречу.

Дробадонов. А ты не сживай со света постылую, чтобы сохранил бог милую.

Марина (помолчав). Послушай, Ваня! такого уговора не было, чтобы скучать. Вот видишь, какой ты некрепкий.

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
Молчанов (долго на нее смотрит). Марина, за что ты меня любила? Ничего, так
ровно ничего я не дал тебе, кроме слез вместе и слез в разлуке.

Марина. Не упрекай себя. Не ты в том виноват. Кто любил, тот и плакал. Она,
любовь, как в песне спето про нее: "горюча любовь, слезами полита, такова любовь
на свете создана".

Дробадонов. Слезы те минули. Теперь другое будет... Будет наша Маринушка жить
тихонько, за Невой широкою; будем мы наезжать к ней в Питер в гости; встретимся,
поцелуемся, разойдемся – друг о друге помолимся... доживем тихой старости,
станем с клюкою под ручки друг с дружкой в церковь ходить да на твоих детей
радоваться... (Ударив Молчанова по плечу.) Полно задумываться!

Марина. Ваня! не весь головы.

Дробадонов. Не вешай головы, тебе говорят. Примета скверная, если конь перед
битвой голову весит.

Молчанов (приободряясь). Нет, я ничего.

Дробадонов (Молчанову). Ну, я пойду, скажу, чтоб запрягали. Пора вам: уж совсем
стемнело.

Марина. Иди, вели закладывать.

Дробадонов уходит.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Челночек с самоваром в руках. За ним другой парень с чайным
прибором. Выходит луна.

Марина (Челночку, усаживаясь за самоваром). Вот Паша молодец! А я тебя еще
впервой и вижу, как ты вернулся. Ты ведь теперь совсем заграничный сделался. Ну
что ж ты делал там, за границей?

Челночек. Трактир Корещенкову в Париже, Марина Николавна, становили.

Марина. Понравилось тебе в Париже?

Челночек. Н-ничего городишко.

Марина. Лучше нашего?

Челночек. Совсем не сравнивать, Марина Николавна. Гораздо нашего превосходнейше.

Марина. Скажи пожалуйста! Что ж ты там что заметил такое?

Челночек. Как же, Марина Николавна, не заметить! Много есть прикрасного. Как
только сейчас первый шаг, как из самого агона выйдешь, сейчас надписи всякие:
тут "пур для дам", тут "пур для мужчин". Прикрасно все.

Молчанов (смеясь). Ишь над чем остановился!

Челночек. И обращение, Иван Максимыч, совсем другое. Запрещений тоже меньше.
(Заискивающим голосом и глядя на Молчанова.) У них, что господа, что такие, идут
по улице да все "тру-ля-ля – тру-ля-ля", – а у нас теперь фирс Григорыч князев
даже такой строку-ляр издал, чтоб даже по городу голосу никто взвесь не смел, а
там все горланят.

Марина. А ему что, фирсу, ваши песни помешали?

Челночек. Да так это, Марина Николавна, значит для политики, чтоб запрет от него
исходил.

Марина. Эх, ребята, смотрю я на вас, стыдно вас и ребятами-то звать. Залучили б
вы его в темном месте, да такую б политику ему шпандарем задали... Это одному

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
страшно, а ведь вас сколько на фабриках! на всех ведь не розыщется и со всех не
взыщется. А хотя б и взыскалось! Рыло в крови, да наше взяло – вот молодцовская
ухватка!

Челночек. Да разве, Марина Николавна, в том? Разумеется, если б он сюда, то б...
Тут ба его по кусочку не достало!

Голоса фабричных. Э, если б он здесь-то показался. – Тут ба его и решение!

Марина. Ну, это я шутила. (подавая Молчанову чай.) А ты опять заневестился,
голову нуришь! Ваня! Ваня! (Челночек отходит.) Ванюша! Ваня! Ваня! (Поднимает
его голову.) Ах, какой характер! Тебя в руки берешь, а ты рассыпаешься.
(Горячо.) Не весь головы! Уедем так, чтоб наше горе смеялось. (Фабричным,
которые пьют водку.) Ребята! повеселите-ка хозяина: он что-то скучен! Песню!
песню, ребята! песню! такую, чтоб горе смеялось.

Фабричные. Сейчас, Марина Николавна! (Скучиваются, Один достает из-под полы,
кларнет и дает тон.)

Хор

Во лужах, во лужах,

Во лужах, во зеленых лужах. (bis)

Выросла, выросла,

Выросла трава шелковая, (bis)

Врознь пошли, врознь пошли,

Врознь пошли духи малиновые, (bis)

Марина. Живо, ребята, живо! (Становится перед Молчановым и подпевает.)

Хор

(чаще)

Уж я той, уж я той,

Уж я той травой выкормлю коня, (bis)

Марина. Чаще!

Хор

Выкормлю, выкормлю,

Уж я выкормлю, вывожу его. (bis)

Поведу, поведу,

Поведу я коня к бабушке, (bis)

Марина кокетливо трогает плечами и бровью и топает в такт ножкой.

Хор

Государь, государь,

Государь ты мой батюшка, (bis)

Марина вынимает белый платок и пляшет.

ЯВЛЕНИЕ 6

В это время из глубины сцены, из-за кустов, выходят никем не замечаемые князев,
Страница 50

Расточитель. Николай Семенович лесков leskovnikolai.ru
Анна Семеновна, Мякишев, Марья Парменовна, Минутка, Колокольцов и купцы. Князев
дает своей компании знак остановиться и один, по-прежнему

никем не замечаемый, тихо подходит к песенникам.

Хор

(продолжает)

Ты прими, ты прими,

Ты прими мово ворона коня, (bis)

Марина останавливается и, положа Молчанову руки на плечи, смотрит ему в
глаза.

Хор

(протяжнее)

Ты услышь, ты услышь,

Ты услышь слово ласковое,

Ты прими слово приветливое.

Марина (всплескивая руками). Да услышь же, Ваня, слово ласковое и прими слово
приветливое!

Молчанов (с чувством). Жизнь моя! что я с тобою теряю!

Оба бросаются друг к другу и плачут.

Князев. Люблю девку за издевку!..

Все оборачиваются на его голос. Общее смятение. Молчанов почти падает на скамью.
Марина смело выступает и загораживает его собою. Фабричные тихо

жмутся и прячутся друг за друга.

(Язвительно вздохнув). Это хоть бы и на театре представить не стыдно! (Подходит
с палочкой к фабричным и всматривается в их лица.)

Молчанов (отодвигая Марину). Это что еще за штука новая.

Марина (удерживая его). Ванюша! Ваня, не горячись!

Молчанов. Постой, – я даже вовсе не сержусь. Я только посмотреть хочу, что это?
Вломились в дом!

Князев (фабричным). Что же, голосистые соловушки? Или песня кончена?
(Всматривается пронзительно в каждое лицо.)

Челночек (про себя). Ух, глазищи! (Юркает в задние ряды.) В молоко взглянет,
молоко скиснется.

Князев (водя палочкой над головами толпы и ударяя по маковке спрятавшегося
Челночка). Ты, как тебя? Павлушка, кажется?

Челночек (робко). Я, Фирс Григорьич, здесь машионально... (Оправляясь.) Я чай
подавал по Марины Николаевниному приказанию.

Князев. А она здесь у вас приказывает? (фабричным, подняв палку по направлению к
дому.) Вон!

Все уходят, перегоняя друг друга; последний плетется Обрезов. Челночек

Расточитель. Николай Семенович лесков teskovnikolai.ru
впереди всех.

Марья Парменовна. Ну, это ж не разбойник ты? Есть же еще, думаешь, после этого хуже тебя человек на свете. (К Марине.) А ты что здесь прохлаждаешься? (Хватая ее за рукав.) Я ведь тебя здесь не боюсь.

Марина (топнув ногою, отрывает руку). Прочь!

Марья Парменовна (в испуге отскакивает). Ишь ты какая!

Анна Семеновна. Отойти от нее, Маша, отойди.

Марья Парменовна (отходя и косясь на Марину). И-ишь!.. А ты не очень-то!

Марина (Марье Парменовне). Мужеедка!

Молчанов (вскакивая). Кто им ворота отпер?

Князев. А кто б смел опекунам не отпереть ворот? Я здесь хозяин нынче, а не ты, беспутник! Его сегодня только что немножечко остепенить хотели, а он, изволишь видеть, как остепеняется: вино, фабричные, да вот распутная бабенка, сбежавшая от мужа... продажная красавица.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Челночек (крадучись возвращается и прячется за деревом вблизи

Молчанова).

Марина (удерживая Молчанова). Молчи, молчи, Иван Максимыч!

Князев (не обращая внимания на ее слова). Прошу полюбоваться, господа! Хорош, хорош купец, супруг жене своей, отец детям и доброму отцовскому хозяин Иван Максимыч! А эта скромница (на Марину)... на всех глядит, не знает, кого выбрать, чтоб под полу кинуться.

Марина (схватывая Молчанова за руки). Оставь, оставь: он нас нарочно дразнит!

Князев. Вот говорят, что нечему нам поучаться у молодых! Как нечему? Грешили, может, люди и в наши дни, да все это бывало со стыдом, от глаз человеческих прятались, а нынче видите. (Указывая обеими руками.) Жена вот она, вот теща-матушка и тесть, а вот супруг с любовницей обнявшись стоят, и словно быть всему тому так следует. Дай протереть глаза. (Протирает платком глаза.) Стоят, действительно стоят! (Строго.) Ну, будет этого! (Вскинув головой.) Я вас прошу, господин голова, сейчас потребовать у него все счета и фактуры, которые у меня украдены и ему переданы. Они мне нужны, чтоб принять дела. (Бросается к Молчанову.) А ты ступай к жене!

Молчанов (устраняя Князева). Вы хоть опомнитесь! Мне кажется, вы уж с ума свихнули с тех пор, как глупая толпа дала вам в руки власть. Прошу вас дальше. Не вводите в грех: я сам дам сдачи.

Князев (в азарте). Ты сдачи дашь? ты? Вяжи его, ребята! Я объявляю вам, он вор. Он утаил билет в две тысячи. (Грозно.) Обыскивай его.

Все порываются и не могут решиться. Челночек высовывает голову.

(Челночку.) Ну!

Челночек схватывает Молчанова сзади за локти. Вслед за ним уцепливаются Канунников и Гвоздев. Князев схватывает Марину и жмет ее с скрытым

сладострасъем. Молчанов борется.

Держи его! (Получая от Марины толчок, быстро отлетает и чуть не падает.)

Марина (бросается к Молчанову, расстегивает пуговицу у его сюртука и кричит). Беги, и с богом!

Молчанов вырывается, оставляя в руках державших его один сюртук, и убегает в глубь парка.

Князев (Марье Парменовне). Машута! друг, бежи за ним! Чего ж ты смотришь, глупая! Бежи скорей, останови. Ведь он твой муж... еще, пожалуй, в озеро прыгнет.

Марья Парменовна и мать ее убегают за Молчановым.

Господа! а вы-то что ж? ведь все в ответе будете! ловите!

Все убегают в парк. Остаются на сцене Марина и Князев.

(Бросается на лежащий сюртук Молчанова.) Топись теперь, дурак! Мне этого и надо. (Вынимает из кармана молчановского сюртука бумажник.)

Марина (глядящая до сих пор вслед бегущим, быстро про себя). Боже, что я наделала? (Князеву.) Подай! подай назад. (Ловит его за руки.) Подай! Разбойник!

Князев (скоро прячет бумажник в карман). Ага! пеструшечка, ты вот она. (Обнимает ее и целует. Борются. Борясь.) Послушай! Не дурачься, не дурачься...

Марина (отчаянно). Подай! подай бумаги!

Князев. Ты одурела!

Марина. Эй люди!.. люди!.. люди!..

Князев. Кличь ветра в поле!..

Марина. Я с тобой и без людей, одна справлюсь. (Отбрасывает князева.)

Князев (отлетая). Га! Без людей справишься!.. Ну так при людях же не справишься! Эй, люди! люди! Свести ее в полицию, чтоб к мужу выслали.

Марина (ломающая руки). Что делать? Боже мой, что делать?

Князев (схватывая Марину за руку). Делать!.. Не требуй мною! Я немного хочу!

Марина. Я не люблю ж тебя!

Князев. И не надо! Ты этим докажи ему, что ты его-то любишь... Да, да, любя-то ни за что ведь хорошие женщины не стоят... Он ведь про то и знать не будет... он вздвигнется, с чего это все перевернется... (Обнимает ее.) Лапка, лапка! все в твоих руках.

Марина (с омерзением устранившись от объятий). Эх!.. Ведь знаю, ты обманешь...

Князев (еще сильнее обнимая). Нет! нет... какие тут обманы! (Впивается в нее а целует, держа руками ее лицо.)

Марина (с отвращением). Н-н-ну! Ах, пусти!.. Пусти же на минуту! (Про себя.) О боже, умудри меня, как мне отнять? (Князеву.) Так ты не лжешь?.. Так ты его отпустишь?..

Князев. Ты отпусти его... Пеструшечка! Змееныш, заслужи... пуцу...

Марина (про себя, глядя на дупло, где спит Босый), А если, как на грех, его здесь нет сегодня?, (Князеву, грозно пальцем.) Гляди ж не обмани!

Князев. Толкуй себе про глупости!

Марина. Ну так и быть, идем... Пойдем отсюда: здесь не годится вместе быть... Здесь люди ходят... Здесь мы сейчас с ним вместе сидели... нехорошо...

Князев (задыхаясь). Ничего это мне, ничего!.. я тем не требую.

Марина. Нет! Ты обещал, что побережешь мой стыд... Пойдем. Я знаю, куда тебя сведу.

Бегут оба, взявшись за руки. Князев с той стороны, в которой приходится дупло Босого.

(Поравнявшись с дуплом, быстро толкает в него Князева, держит его и отчаянно вскрикивает.) Душа святая, заступись!

Босый (хватая Князева). Тону! тону! (держит князева.)

Князев (в ужасе). Максим! Максим! Пусти, я буду каяться! (Вздымает в страхе руки. Марина быстро выхватывает у него из кармана бумаги.)

Марина. Ха-ха-ха! (Истерически хохочет и, оставляя Князева в руках Босого, бежит. На половине сцены она встречается с поспевающим к ней Дробадоновым.)

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же и Дробадонов.

Марина (падая в изнеможении на грудь Дробадонова). Ах, где ты был, Калина Дмитрич? Я сил моих лишилась! (Теряет чувства.)

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же, и показываются Колокольцов, Марья Парменовна, Минутка и прочие бывшие здесь купцы.

Дробадонов (насмешливо купцам). Скорей, друзья: хорек в силки попался.

Колокольцов (увидя Князева). Что это значит, Дробадонов?

Дробадонов (поднимая на руки Марину). Должно быть, значит то, что, где лукавые уста молчат, там безумные руки за работу берутся. (Уносит Марину.)

Минутка (про себя). Опять потянуло пчелку на красный медок. Прихватило!

Купцы освобождают Князева из рук Босого.

Князев (охрипшим голосом). Молчанов где?

Колокольцов (к Князеву). Это нельзя! Он прямо плюнул на меня тут... на жилет... в лицо, и тут вот... в это место... по плечу... немного выше... по галстуку...

Князев. Оставь про вздор молоть!

Колокольцов. Да, это вздор; но я терпеть не могу такой фамильярности, чтоб по лицу меня...

Князев. Оставь! Все знают, что он дрянь, а ты хороший человек.

Колокольцов. Хороший? Так разве всех хороших так уж и бить по щекам? Вам ничего, а он ведь два раза меня ударил. Я хочу знать по крайней мере за что?

Князев. Он сумасшедший. (Приложив палец к устам, про себя.) Он сумасшедший!

Челночек (выбегая из-за кулис). Хозяина поймали, Фирс Григорьич, и ведут. (Подобострастно.) Я первый, Фирс Григорьич, ухватил... подставил ножку: он и чебурахнул!

Князев (про себя). Га! Ну, храбрый витязь, сражались мы с тобой до этих пор тупыми концами, теперь давай перевернем копыта да острыми ударимся. (Вслух.) В мою коляску и везите в город! Вы видели его сегодня все: он сумасшедший.

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Колокольцов. Да, да. Он плюнул мне в лицо и три плюхи мне дал. Он сумасшедший!

Все (качая головами). Он сумасшедший, сумасшедший,

Занавес падает.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Большая каменная кладовая, так называемая "палатка". Дверь посередине из толстых досок, сколоченных массивными гвоздями, на тяжелых петлях. По сторонам этой двери два продолговатые окна, сделанные почти под потолком. Задымленный очажок, служащий для варки клея и красок. Тюки, кули, кади с красками, пуки трав и разбросанный хлам. Влево на авансцене большой, окованный железом сундук, перед ним стол, на столе глиняный кувшин с водою и стакан, в котором горит конопляное масло. Стол и сундук загорожены от входа

грубыми крашенными ширмами.

ЯВЛЕНИЕ 1

Марина (в темном шерстяном платье с накинутою на плечи беличьей шубкою, крытую алым или черным бархатом. По открытии занавеса сидит на сундуке. Несколько секунд молчания. Она с утомлением смотрит в огонь ночника). "Прошло лето, прошла осень, прошла теплая весна: наступает злое время - то холодная зима". Славная песенка; да некому ее спеть... (Задумывается.) Да, уж и лето и осень почти минула с тех пор, как Ивана Максимыча в сумасшедший посадили; а на бумагу, которую Калина Дмитрич от него послал, до сих пор ни ответа, ни привета нет. Сорокоуст успеют отчитать, пока этой защиты дождешься... И я здесь сижу в этой кладовой у Дробадонова совершенно напрасно... От матери, и от той скрыто, где я; а Фирс князев все поиски правит: его не обманешь. Вчера опять, Калина Дмитрич говорит, посулы делал, что даст сто рублей тому, кто его на мой след наведет; а кормовые на пересылку давно представлены... За сто ли рублей у нас не найдется охотника человека продать, лишь бы пронюхали. (Пауза.) Да мне уж и самой наскучило!.. Три месяца изо дня в день одна-одинешенька в этой норе с крысами высидела... Не умела я в те поры решаться, когда следовало. Не в Петербург мне надо было с Ванею собираться, да не надеяться, как Калина Дмитрич уверил, старости доживать, друг друга жалеючи; а надо было прямо его пожалеть: разогнаться самой да в воду. Вот бы и конец был... Пагуба я, как есть для всех пагуба... Теперь еще, если здесь найдут, и он и Калина наотвечаются... А он еще было задумал где-то мне фальшивую бумагу хлопотать... Легко ли дело: очень нужно людей губить! Уйти я и без всяких бумаг уйду; а что со мной будет - это мне все равно... Бродяга, так и бродяга: разве не все равно. Это чем не острог!.. Ох-ох-ох! (Задумывается и заводит вполголоса.)

Уж ты молодость, моя молодость!

Красота ль моя, краса девичья!..

(Плачет.) Нет, не поются с горя и горькие песни! (Утирает слезы.) Какие все были решения, какие большие, да какие хорошие - и ничего из них не вышло... Ты себе умудряешься, а враг себе умудряется: вот и поручись за то, что ты сделаешь... Особенно вот теперь, как в одиночестве одурь взяла и сто дней изо дня в день не знаешь, чего дожидаться, кто его знает, на что б кинулся, только б истоме этой конец положить. (Осматривается.) Есть тут мышьяк; есть веревки... Прости господи душу грешную... что за дурь в голову лезет... А особенно нынче... Нынче уж день какой-то... словно ему так не минуть без чего страшного. (Слышен вой бури.) Ишь воет!.. Неспокойна я всегда в это время... Что это и Калина Дмитрич нынче что-то запоздал... Не могу сидеть одна... дверь нарочно отперла... Все вот будто смерть мне в глаза засматривает: нет-нет да и вздрогну. (Кладет руки на стол и опускает на них голову.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Марина и ее мать (слепая).

Мать (входя ощупью, с клюкою). Куда ж я это, дура, забрела? Хотела через двор пройти на кухню корочек поискать, размочить. Провести-то некому и забрела не знаю куда. (Громко.) Эй! есть тут жив человек, где это я?

Марина (вздвогнув и вскакивая). Родимая! родимая! (Бросается к матери.) Ты ль это, матушка?

Мать (роняя клюку). Марина! дочка! (Ощупывает руками ее лицо.)

Марина. Я, матушка! я, я! Иди сюда, садися; дай мне хоть насмотреться на тебя. (Ведет мать к сундуку.)

Мать. Так ты не умерла? А мне все шутят, говорят на улице: "твою Марину-то, говорят, распотрошили".

Марина. Распотрошили, матушка, распотрошили. Я уж три месяца здесь прячуся от наших лиходеев.

Мать. Смотри пожалуйста! А я ведь верила, что нет тебя. Я так и говорю, когда меня чем попрекают здесь: я говорю, все это оттого, что нет моей дочки Маринушки; уж она бы, говорю, хоть при каком великом горе, меня в обиду не дала бы. А ты, голубушка, жива! (Лаская ее.) Лебедушка моя! голубка!

Марина. Ах, родная моя!.. Жива; да что по мне... куда мне выступить?

Мать. Так вместе будем жить... я при тебе останусь... а то меня все... гонят вон... Калина Дмитрия выйдет со двора, а мать его с сестрой и гонят... "Вон, говорят, ступай, толпега старая"... По всякий час ему не жалеюсь... терплю...

Марина. Ах, мамушка, не говори! У тебя нет дочки; я не могу тебя взять: я сама в амбаре скрываюсь...

Мать. В анбаре! Зачем в анбаре?

Марина. К мужу выслать хотят.

Мать. На что ты ему? Он пьяница, он все пропил, писали.

Марина. Так что ж? Назло это делают.

Мать. Все назло, дитя, делают. Как я плакала, как сказали, что ты пропала, просила, чтобы меня с молчановской дачи не выгоняли... (понижая голос) нет... не послушали, назло выгнали. Фирс Григорьич сказал: "Здесь, говорит, не богадельня, а опека теперь... Ступай, говорит, свою дочь разыщи, тогда и упокой тебе будет". А я баю, где, баю, мне, родной, искать ее? меня, говорю, слепую, собаки съедят... "А ты, говорит, с палочкой". Все, деточка, у нас наше добро отобрали: два твои матеревые платья взяли. Ты их сама выработала на кружевах; а они говорят, это, говорят, Молчанов дарил...

Марина. Бог с ними, матушка! Какие там платья считать: мы сами пропали.

Мать. Да, да, да, детка! Я уж так себе и думала, как меня вчера обидели: не найду, говорю, если ее еще три дня, Маринушки, и жизни себя решу; да вот и нашла. А то они, мать-то с сестрой Калины Дмитрича, без него все вон меня гонят. Калина Дмитрич говорит: "иди, старушка, со мной щи есть"; а когда его нет, они и хлеб от меня запирают. Не как мы с тобой дуры, когда было что, всем были щедрые да раздачливые. "иди, говорят, по миру - ты убога: тебе всякий подаст". Ономедни послушала их: пошла у соседей попросить, а ребятишки собаками травить стали, балующись, - пес злой такой кинулся, тут за самую грудь и прокусил, а мне отбиться не видно его... Смеются: "это за то, говорят, эту грудь прокусил, что дочку гордячку выкормила..." Я уж нонче вечером на кухню хожу: тюрьку себе из корочек мочу.

Марина. Мамушка, да ты б самому-то об этом сказала!

Мать. На что, детушка, ссорить их! Он говорит: "ешь со мной щи, старушка". Я с ним и ем, когда дома он. - Это они, пересмешницы. Они говорят: "о чем, старая, плачешь?" Я в уголке о тебе плачу, а им говорю: про домик свой плачу. По холоду-то теперь, донюшка, похоже, все в домик и манется. Тепленький, говорю, у нас свой домик был; печечка в угле была... старые косточки плачут по печечке... А они на свою печь не пушают... не-ет, не пушают, - сами опят. При нем погреюсь,

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
а без него... "не рожать было, говорят, дочки гордячки". И Фирс Григорьич намерен за обедней копейку подал мне и тоже говорит: "Надо бы говорит, тебя дочке-то твоей пожалеть. Ишь, говорит" ты какое мирское челобитье, в лубочке связанное"... Пожалей меня, дочушка!

Марина. Мамушка! сердце мое разорвалось, тебя слушаючи; да что ж я поделаю?

Мать. "Домик, говорит, ваш отдам", говорит Фирс-то Григорьич.

Марина. Матушка! да неужели ж ты не знаешь, чего он от меня хочет-то?

Мать. Ничего про то не сказал. Так, верно, чтоб ты покорилась, хочет.

Марина. Так! так!.. Мамушка, кто нынче что-нибудь так делает? О боже мой! да скорее солнце на восток с запада пойдет, чем мужчина что-нибудь женщине так, даром сделает!

Мать. "Нехорошо, говорит, что дает собакам грудь-то твою кусать, откуда молоко сосала. Это, говорит, была ее житница". Я, говорю, не ропщу на господа: у меня добрая, честная дочь, а люди смеются: "Что, бают, честь, когда нечего есть. Вот, говорят, у бабушки Дросиды Аленька може не совсем очень честная, да у ней, у бесчестной дочери, мать и сыта, и одета, и в храм божий выйти ей есть в чем, за дочернин грех помолиться, и ты б, говорят, так-то молилась". А я того ничего не знаю: мне только в домик наш с тобой хочется.

Марина (ломаю руки). Ох, боже мой! боже мой! вправду посылай лучше тяжелое свое горе одному несть.

Мать (лаская Марину.) Ты не сердися, доня: может, я что глупое говорю.

Марина. Мамушка! делала ты для меня когда грех какой? что-нибудь такое, в чем каяться надо, сделала такое?

Мать. Не знаю, дитя, как тебе сказать про это: как в оспе ты лежала маленькая, тогда мы тоже были при бедности - Молчанова не было, - ну, я горох для тебя крапа и вишенья, чтоб тебе роток освежить.

Марина. А больше?

Мать. Курочку тоже один раз у дьяконицы словила, изжарила, как тебя лихоманка томила. Отец дьякон-то свел меня тогда в полицию. "Вот, говорит, воровку поймал, - по законам ее надо судить", да покойник квартальный, Никанор Никанорыч, дай ему бог царство небесное, "ничего, говорит, это". Два раза меня прутом ударил, да и говорит: "отпустите, творит, ее, отец дьяк, съедомое, говорит, это не грех". Я тебе ее и зажарила и лапшицы с нею сварила.

Марина. Больше что, мамушка? больше?

Мать (подумав). Фирс Григорьич, как Молчанова утопил... я это видела с берега, с тобой - ты у груди была, - я с тобой сидела и видела... а он говорит: "молчи, я тебя сотенной одарю" - я и молчала.

Марина (в ужасе). Мамушка! неужто ж ты видела это?

Мать. Видела, детка. Ты про это молчи. Он мне все заплатил: я тебе тут-то все купила... Он после сказал: молчи, а то отвечать будешь вместе со мною. Я тут-то и молчала...

Марина. Матушка! ты ж богобойная.

Мать. Что, дитя, делать-то было. Бог-то не люди: он, милосердный, помилует. Не моими руками то сделано. Он говорит вчера: "Домика жалко, старуха?" Как, говорю, не жалеть. "А Марина твоя б, говорит, ко мне пришла покориться, я б ей отдал его". Я, мол, не знаю. "Так, говорит, с постельного крыльца пускай стукнет, я сам отопру".

Марина (заслоняя лицо матери). Матушка! Матушка, что ты это сказала! Ты помрачилась. Лучше, хочешь, давай умрем вместе!

Мать. Я уж тебе про смерть говорила. (Плача.) Только домика, деточка, жалко... Там теперь... Дросида с Аленькой живут; им там тепленько в нашем домике... Там бы, ребенок, и умерли...

В трубе к камину раздается довольно громкий гул сверху вниз, и падает один кирпич.

Марина (в испуге). Что это! (Торопливо.) Иди! иди, матушка, а то тебя хватятся.

Мать (вставая). Ты меня гонишь, дочушка!

Марина. Нельзя, нельзя! Обе задаром пропадем.

Мать (идучи). А ты ж теперь завтра меня приди навестить.

Марина. Хорошо, хорошо! (Ведет мать к двери.) Я буду думать... Спи ты сегодня весело... я буду думать... Я все... все, что в сеете есть возможного, все тебе сделаю. (У самой двери.) Но как ты дойдешь? (Выглянув за дверь.) Боже мой! ночь как тюрьма, - ты расшибешься вся.

ЯВЛЕНИЕ 3

В сводах камина показывается спустившийся из трубы Челночек. Он зорко следит за Мариной.

Марина (матери). Пстой, моя мамушка. Что там ни будет, я тебя провожу до крыльца. Темно: авось никто не увидит. (Накидывает шубейку на плечи и уходит, уводя под руку мать.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Челночек (один, вылезает из камина и отряхивается). Вот как! По-ведьмински лазиим. Большою дорогою в трубу. (Осматриваясь.) Тут она, голубушка, тут. Недаром Фирсов глазочек отсюда дымок-то приметил. (Возвращается к камину и дергает за веревку, конец которой спустил с собою.) Андрюша! (В трубу.) Андрюша!.. есть! (Закидывает веревку в глубь каминного свода и сам быстро прячется за кули или за кадь. Усаживаясь.) Теперь, Фирс Григорьич, сотенную, брат, присылай (Садится так, что его не видно.)

ЯВЛЕНИЕ 5

Челночек и Марина.

Марина (вбегает, сильно взволнованная, едва переводя дух, падает на сундук). Ох!.. ох!.. Они меня видели! Теперь все пропало... Удержаться нельзя было. Я ее довела до крыльца и хотела вернуться... Она там в снях поскользнулась впотьмах... я думала, что она расшиблась... вскочила за нею... а они дверь отворили с огнем...

Челночек то высовывается из-за кади, то снова прячется.

Нет, теперь все равно пропадать... По крайней мере пропадать не без пользы... Она мне разорвала своими речами всю душу мою, и теперь я своими глазами смотрела в окно, как они над нею смеялись... Вздор! вздор! Над чем тут задумываться! Разве она задумывалась, когда для меня крала? Разве она задумывалась, когда Фирсов страшный грех брала себе на душу? Разве ей не больно и не страшно было губить душу свою? А у меня совесть! А у меня совесть! Совесть! совесть! Когда мать для нас и стыд и совесть забывает, мы не совестимся, мы берем это; а нам им долг отдать совесть зазрит?.. (Схватывая себя за горло.) Да разве смеешь ты про совесть свою думать, когда у твоей матери псы грудь рвут; когда у твоей матери люди ложку из рук отнимают; когда у твоей матери угла нет?.. Нет; в такой совести нет совести! нет! Все, мамушка, все: стыд, совесть, жизнь... любовь мою и мой позор... все, все возьми, родная, за твою прокушенную грудь! (Накрываясь торопливо платком.) Теперь, Фирс, ты достал меня! Звезды небесные! закройте ваши светлые глазки, пока пробегу я! (Бежит и у двери останавливается и

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru возвращается.) А для чего ж, одну любовь блюдя, губить другую? Себя не пожалеть, так можно никого не обидеть! Себя не пожалевши, можно все сделать! (кидается к одному из ящиков, берет из него горсть порошка и, всыпав его в кусок синей бумаги, быстро сворачивает.) Это мышьяк!

Челночек беспрестанно высовывается и следит за Мариной.

Да, я обману его! Я скажу ему, чтобы он дом за мать закрепил, а потом... он ничего от меня не дождется. (Строго.) Что я это путаю? Ведь это от позора неотвратимого можно, а от горя разве это простится... если на жизнь покушаться... Прочь! (Бросает сверток под стол и толкает его ногою.) Я приду; я дам обещанье; пусть он запрет меня у себя на вышке, пока сделает матери крепость; после... подушкой голову оберну и брошусь в окно, и уйду... иль расшибусь. (Бежит к двери и сталкивается с Дробадоновым.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же и Дробадонов, входит в большой лисьей шубе, с загнутым за уши воротником. Под полою у него зажженный фонарь, который он вынимает в ту самую минуту, когда бегущая в дверь Марина почти что с ним сталкивается. Челночек, порывавшийся бежать вслед за Мариной, при виде Дробадонова снова

прячется.

Марина (увидев свет, в ужасе вскрикивает и прижимается спиной к кади). Ай! ай! Кто это? кто? кто это?

Дробадонов. Чего ты? Бог с тобой! чего?

Марина. Кто это с светом? (Всматривается и узнает.) А, это ты, Калина Дмитрич!

Дробадонов. Да что ты? Кому же больше здесь и быть?

Марина (хрустя пальцами). Да бог знает... все как-то жутко так... (Оглядывается.) Будто кто здесь не свой есть?

Дробадонов. Куда ж это ты шла?

Марина (с замешательством). Я это так... Так здесь хожу покрывшись, чтоб веселей.

Дробадонов (делает добродушную ироническую гримасу, обнимает фамильярно Марину за плечи, ведет к столу и сажает). Садись-ка и сиди! (Ставит на стол фонарь. Полуосвещенная до сих пор кладовая освещается вполне. Усевшись и сбросив шубу). Сказать тебе по правде, я, брат, и сам сегодня трусу чуть не спраздновал.

Марина. Что так?

Слышна буря.

Дробадонов. Да вот все буря эта. Скажи на милость, что ведь захватит целое облако песку, пыли мерзлой и так вот и гонит, словно как сила нечистая перед мечом архангельским мчится. Небо-то все (делает рукою) тэк-тэк-тэк... Так и трясется, так ходором и ходит. По всему городу прошел, встретил только одного Дейча. "Иду, говорит, Фирс Григорьич к голове посылают дожидаться его; он утром депеш прислал, что непременно нынче к вечеру из Питера воротится"; а то, кроме Дейча, ни одной божьей души на улице, и ветер, знаешь это, вдоль улиц-то так и ревет медведем.

Буря.

Марина. И здесь слышно.

Дробадонов. Что здесь! Нет, вот там на площади ты побыла б. С собора сорвало крест и на цепях вертит его по крыше: грохот, звон, словно кто с неба на заупокойную обедню звонит.

Марина. Что это за страсти в самом деле в городе пошли!

Дробадонов. Уж и не говори! С весны еще начали люди примечать, то куры петухами пели, то каша из печей уходила. Про псов и говорить уж нечего, что побесились; а сегодня, скажи ты, иду я сейчас от Ратищей берегом, уронил палочку, стал поднимать и рукой рака схватил. Ну, скажи пожалуйста, в это время рак-то, да на сухом берегу?

Марина (живо). Ты был на Ратищах?

Дробадонов. Сейчас оттудова.

Марина (живо). Из сумасшедшего дома! Ну что, здоров он? жив Иван Максимыч?

Дробадонов. Да! Я сегодня лавку запер рано: все равно торговли не было, да думаю: вот в этой-то день уж и Фирс не поедет, да и махнул. Насилу допустили. Теперь еще строже – приставник так и не отходит, и все подкуплены от Фирса, чтоб никого не допускать. Мы, говорит, ему в том присягали. Насилу за две четвертные уломал.

Марина (спокойнее). Ну и что ж?

Дробадонов (поглядывая на нее). Он сумасшедший, любя!

Пауза. Марина смотрит на свои ногти.

Пространства никакого нет там, теснота одна и очень уж зловонно. Так стойлицо, а посередине кровать, и он лежит, под мышки и в коленях перевязан.

Марина (равнодушно). Это на что он связан?

Дробадонов. Нельзя, говорят, не вязать: встоскуется, начнет метаться, плакать, о стены бьется, а ночью наведни голову, говорит, в решетку в окне завязил. (Пауза.) Истомили они его тем, что отпуску ему никуда нет: совсем узнать его нельзя. Другие прочие хоть в коридор выпускаются, а он никуда... Маринушка, что ж ты молчишь?

Марина (сдвигая брови). А? (Вздыхает.)

Дробадонов (тихо). Я дал еще десятку, чтоб его пустили погулять по коридору. Обещали. Нонче Фирса не будет: погода, и он головы из Петербурга дожидается; они и пустят. (Смотрит на свои карманные часы.) Э, да уж он теперь разминается, гуляет... Марина Николавна! скажи ж по крайности спасибо! (Трогает ее за руку.)

Марина (раздумчиво). Скажи, пожалуйста... не знаешь ты, что это такое значит: что ты мне говоришь о нем, а мне его... совсем не жаль?.. Мне словно никогда его и не было.

Дробадонов. Что ты это говоришь–то это? Кого ты обманываешь?

Марина (пожав плечами). Нет, право!

Дробадонов. Да это что ж такое?.. Послушай! Милушка! Марина Николавна!.. Да что ж ты молчишь?.. (Трясет ее за плечо; она сидит в том же положении.) Ты вот послушай–ка, что люди–то говорят: это хорошо, говорят, что он в сумасшедшем отсидится, а то бы, говорят, его за голову в каторгу сослали. И Минутка, как уезжал, это то же самое говорил... (Опять трогает ее.) Да что же ты пугаешь меня, что ли, Марина Николавна? (Трясет ее за плечо.) Ну, а если пугаешь, так я тебе и не скажу...

Пауза.

(Дробадонов смотрит на Марину.) Так и уеду в Питер... Да; вот через два часа и уеду, потому мне жаль его... я на него сегодня смотреть не мог... а ты каменная... сердце–то у тебя из стали, из стали сделано... Я бы, может быть, мог и тебя свести теперь показать его... да что ж брать бесчувственную... (В отчаянии со всей силы качает ее взад и вперед за плечи.) Да что же ты окаменела, что ли!

Расточитель. Николай Семенович лесков Teskovniko1ai.ru
Марина (не слыша). Чего тебе?

Дробадонов. Да ты скажи, мол, отвяжись ты, что ли, прочь!

Марина (задумчиво). Мне не нужно его видеть... Ты не слышал, как женщины, которые от родов умирают, детей своих видеть не хотят, - так и он мне... (махнув рукой) не нужно! Я им измучилась... Я послабела, все это в себе всю жизнь носивши... Теперь мне и его не жалко.

Дробадонов. Что ты это, девушка! Бог с тобой! Сто дней бодрилась - и вдруг на сто первом...

Марина. На сто первом кнуте, Калина Дмитрич, люди умирали.

Дробадонов. Перестань! стыдись! У бога много дней.

Марина. В лютой поре все дни бывают люты. (Вскинув головою.) Что мать моя у тебя, как живет? Успокой ты ее.

Дробадонов. Сударушка ты моя! Будь только ты-то в своем виде; а я не хвастал тебе: я ей уж келийку ставлю против бани на огороде и девчонку в няньки приставлю к ней.

Марина. Сбереги ее.

Дробадонов. Как мать родную, сберегу.

За сценою слышны шум и легкий треск, как бы пошатнулся забор. Челночек, при первом звуке этого шума, кидается к двери, откидывает крючок и теми же стопами, крадучись, опять скрывается.

Марина (протягивая Дробадонову руку). Накажешь верить этому?

Дробадонов (сжимая ее руку.) как счастья тебе желаю, как люблю тебя.

Марина (удерживая в своей руке его руку и глядя в лицо его). Спасибо тебе за твою дружбу; два спасибо за твою любовь.

Дробадонов конфузится.

Чего ты застыдился? Мне кажется, что я уж вся истлела, что все равно, что нет меня... Что стыдиться, что любил? Я это знала.

Дробадонов (утирает слезу). Да что ж с тобою?

Марина. Спроси ж вот! Исслабела.

Повторяется сильнее шум.

Дробадонов (в испуге). Что это значит?

Марина (спокойно). Пойди, взгляни.

Дробадонов уходит.

ЯВЛЕНИЕ 7

Марина одна и Челночек (спрятанный, но беспрестанно выставляющийся).

Марина. Одна! одна, целый век одна, а горя столько, что не знаешь, к которому лицом оборачиваться... (Пауза.) Калина Дмитрич поедет в Петербург, а я за ним вслед ночью уйду куда глаза глядят, и будь уж то, что в судьбе моей написано!

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же и Дробадонов.

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Дробадонов (вбегают встревоженный и смущенный, но старается скрыть это). Скажи, пожалуйста, ты не помнишь, у нас, как мы здесь сидели, дверь заперта была?

Марина. Разумеется, была заперта.

Дробадонов. Гм, странно!

Опять шум, уже несравненно больший и постоянно увеличивающийся до следующего явления.

Шумит это ветер; а все дело скверно. Ты не сказала мне, что тебя видели.

Челночек крадется и снова откидывает крючок и опять прячется.

Там мать твоя с моею матушкой поссорились и... я не знаю... Мой совет... про всякий случай куда б нибудь тебе отсюда пока уйти... Куда? (Думает.)

В это время шум вдруг увеличивается, дверь растворяется, и на пороге появляется Князев, а за ним еще видно несколько голов. Дробадонов бросается на них с неистовым криком, выбрасывает их за порог и схватывается за двери.

Га! так это вот кто вместе с бурей ходит! Марина Николавна, заступ дай мне! лом подай! пешню! (держась за дверную скобу, борется с усилиями тех, которые рвут дверь снаружи.)

Челночек ползет на четвереньках, чтобы схватить Дробадонова за ноги. Дверь то отворится усилиями внешней партии, то усилиями Дробадонова снова

захлопнется. За сценою голос князева: "Ломай в мою голову!"

Марина (с возвратившеюся мгновенно энергией). Вот он, судеб решитель! (берет из-под стола сверток с мышьяком, торопливо бросает в рот щепоть яду и, захлебнув из кувшина, идет смело, решительной походкой к Дробадонову. В это мгновение Челночек уже готов схватить ноги Дробадонова, но Марина дает ему презрительно толчок по лицу тыловою частью левой кисти. Челночек отскакивает, держась за щеку. Марина берет за обе руки Дробадонова.) Пусти! (Отрывает его руки.) Меня никто отсюда не возьмет.

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же и Фирс Князев в сопровождении многих мещан, квартального и полицейских.

Князев (входя). Здорово, добрый друг Калина Дмитрич! (Ядовито Марине.) Болтают люди, что будто здесь кто-то чужих жен скрывает. Должно быть, врут.

Марина. А ты еще не радуйся. Что не в руках, тем не играй покудова.

Князев (полицейским). Берите ее!

Челночек прежде всех схватывает Марину сзади за локти. Марина презрительно на него оглядывается и не сопротивляется.

Челночек (Марине). Не своей волей, Марина Николавна: начальство приказывает. (Глядя на Князева.) Должны мы, его подначальные, слушаться. (Кивает полицейским.) Подай веревочку!

Князев (полицейским). Ну, что ж вы стали! двое берите!

Два полицейских солдата с выражением тупого равнодушия и трое мещан, потупив глаза, берутся за Марину и завязывают ей руки за спиною.

Марина. Ха-ха-ха-ха! всем миром ухватитесь! (Нервно.) Холопы князева! (Вдруг бледнеет. Лицо ее искажается муками. Нетерпеливо.) Прочь! прочь! Прочь, я

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
больна... Вам говорю, я... дайте сесть мне... закон больных щадит.

Дробадонов (с поднятым над головою тяжелым железным заступом, громовым голосом).
Прочь! распластаю!

Полицейские и мещане, держащие Марину, бросают ее и быстро отскакивают в
стороны.

Марина (Дробадонову тихо и сквозь сжатые зубы). Калина Дмитрич, развяжи!

Квартальный (солдатам). Освободи ее.

Дробадонов (срывая веревку с руки Марины). Уже освободили.

Марина (шатается, схватывается за край одной кади и, поддерживаемая
Дробадоновым, тихо опускается на пол. Черты лица ее страшно искажены внутренней
болью). Воды мне!.. снегу!.. льду!.. Я умираю!..

Дробадонов (кидается к столу, чтобы взять кувшин с водою, и, увидев мышь, берет
его и в ужасе роняет). Все кончено: она себя отравила! (Подает Марине
кувшин с водою; все рассматривают яд.)

Марина (отпив из кувшина, глядит на окна, в которых в это время во всю ширь
показывается яркое зарево). Везде... везде огонь... (Мешаясь.) Огонь и тут
(указывая на свою грудь) и там (указывая на окно), везде огонь... (Падает.)

Мещане, Пожар! Город горит!

Раздается набат.

Голоса за сценой. Молчановская фабрика горит!

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же и Спиридон Обрезов.

Обрезов (вбегая впопыхах). Фирс Григорьич! батюшка! несчастье! В одну секунду
все, огнем обняло – хлопочка не спасли!

Князев (про себя). Зато и счета и концы сгорели.

Обрезов. Он сам почти весь до костей обжегся.

Марина (приподнимаясь). Ванюша? милый? он?

Обрезов (Марине). Он, матушка Марина Николавна. (Князеву.) Его схватили там, за
хлопчатыми анбарами. Из сумасшедшего он вырвался и, как архангел-мститель, все
сжег свое и со своим чужое.

ЯВЛЕНИЕ 11

Те же и 1-й мещанин.

1-й мещанин (вбегая). Поджигателя сюда ведут.

Князев. Зачем его сюда?

Челночек (Князеву). Должно быть, к вашей милости.

ЯВЛЕНИЕ 12

Те же, и толпа народа тащит под руки Молчанова. Сзади голову Молчанова
поддерживает Алеша Босый. Молчанов в пестром тиковом больничном халате и кожаных
туфлях на босые ноги. Он оброс бородой, бледен, с помутившимися

угасшими глазами.

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
Князев. В острог его!

Один из приведенных. Нельзя, не доведешь... Уж он канает, Фирс Григорьич, весь в волдырях...

Молчанова опускают на пол. Он сидит одну минуту и падает навзничь ногами к зрителям. Босый опускается на колени в головах Молчанова, берет его голову в руки, смотрит ему в лицо через лоб и беззвучно шевелит губами.

1-й мещанин. Тсс! отходит.

Марина (поднимавшаяся с усилием и ползшая на коленях к Молчанову, падает ему на грудь с воплем). Ваня! Ваня!

2-й мещанин. Скончался.

Босый (затягивает унисоном). "Со избранными избран будешь..."

Князев (бьет Босого палочкой). Молчи, юродивый!

ЯВЛЕНИЕ 13

Те же и Колокольцов (в енотовой шубе, подпоясанный хорошим ремнем, с большим кожаным дорожным портсигаром через плечо на шнуре).

Колокольцов. Нигде нельзя проехать... В огне весь город... Что это у нас делается!

Дробадонов. Одна ведь нам работа: из ничего дела творить; а что воистину у людей слывет делами (разводя руками), то в смех, да в дым, да в пепел обращать.

Колокольцов (уныло). Да, да... в губернии завтра суд открывается... и нас с вами, Фирс Григорьич, первых предадут суду.

Князев. Что врешь? за что? с какого повода?

Колокольцов. Донос Минутка сделал.

Князев. Донос! Минутка! Где он?

Колокольцов. Он там остался, в Петербурге. Он дом себе купил в Подьяческой и кассу ссуд открыл с крещеными поляками.

Князев закусывает молча губу.

Дробадонов. Вот нас какими новый суд застал.

Князев (с гневом). Что суд! Пусть судят: мир это делал, а не я.

Колокольцов (обрадованный). Да; мир ведь целый не осудят: его нельзя сослать.

Князев. Мир не судим.

Дробадонов (уныло качая головою). Мир не судим, и Фирс не судим. Они друг друга создали и друг другу работают. (Князеву.) Вам нет еще суда, ума и совести народной расточителям.

Марина (в предсмертных мучениях, поднимается на локоть. Дробадонов ее поддерживает). Тсс!.. Пчела жужжит... Господний вестник смерти... (Строго.) Молчите все!.. Она меня зовет... домой... к судье небесному... от вас, судей ничтожных. (Умирает.)

Дробадонов. Умерла!

Набат.

Расточитель. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Голос за сценой. Никитья церковь занялася.

Квартальный (солдатам). К церкви! (Убегает со всеми полицейскими.)

Другой голос за сценой. Дом Фирса Князева горит!

Князев (вздрагивая, мещанам). Ко мне на двор! Один из мещан (указывая на Молчанова и на Марину). А их теперя, Фирс Григорыч, как?

Князев (убегая). Покинь!

Голоса, и все мещане суетливо убегают.

Дробадонов (вслед Князеву). Покинь! (Вздыхнув.) Не лопают Фирс Князев мертвечины.

Занавес падает.

Конец

26 мая 1867 года. С.-Петербург.

ПРИМЕЧАНИЯ

Печатается по журналу "Литературная библиотека", 1867, том VII (июль, кн. 1-2).

Драма Лескова была впервые поставлена на сцене Александрийского театра 1 ноября 1867 года, в бенефис артистки Левкеевой, с Нильским в роли Молчанова, Монаховым в роли Колокольцова и Н. Зубовым в роли Князева. 24 декабря 1868 года драма "Расточитель" шла в Москве на сцене Малого театра. В столичном репертуаре пьеса не удержалась. "Двадцать лет тому назад, вспоминая впоследствии Лесков, - я написал единственную свою весьма слабую театральную пьесу "Расточитель", которая подверглась в свое время единодушным порицаниям всех критиков, и только один из более ко мне снисходительных рецензентов, П. Шебальский, заметил тогда в бывшей "Современной летописи" Каткова, что я наметил "новые нравы и течения в купеческой среде". Но как пьеса моя была плоха, то и наметки новых характеров и течений, какие есть в ней, остались незамеченными..." (Процитировано в книге Л. Гроссмана - "Н. С. Лесков", М., 1945, стр. 148). Под этими "новыми нравами и течениями" подразумевались, очевидно, те попытки молодого купца Молчанова улучшить положение рабочих, против которых так решительно восстают старый купец Князев и городской голова Колокольцов. "Ты там своим рабочим долю назначаешь, - говорит Колокольцов. - Это социализм. Когда тут нам в эти годы с рабочими сентиментальничать! Ведь это в литературе очень хорошо сочувствовать стачке рабочих... Ты знаешь, что я и сам этому сочувствую и сам в Лондоне на митинги хаживал" и т. д. (действие 2, явление 6). Эта сторона пьесы осталась тогда действительно незамеченной, а главное внимание было обращено на то, что в центр пьесы поставлен вопрос о новом суде; в драме нашли тенденцию автора, направленную против новых выборных судов. "В "Расточителе" я показал, как бессудно было время дореформенных судов, - вспоминал Лесков, - и между тем все, и во главе всех тогдашние "Петербургские ведомости" руками Суворина и Буренина писали, что я "опошляю новый суд", хотя заключительные слова драмы таковы: - И вот какими нас новый суд застал" (там же, стр. 150).

Сценическая жизнь "Расточителя", однако, этим не исчерпывается: у пьесы оказалось большое театральное будущее. Еще в 1884 году сам Лесков писал: "Расточителя боялись брать на сцену актеры, боясь, что их "заругают", а вот Расточителю 20 лет, и он до сей поры не сходит с репертуара в провинции" (там же, стр. 155). В последующие годы драму Лескова продолжали ставить - и не только в провинции, но и в Петербурге (в 1897 г. - с участием П. Н. Орленева). После Октябрьской революции "Расточитель" шел и в Петрограде и в Москве. Особенный успех имела эта пьеса в 1924 году в постановке 1-й студии МХАТ: Князева играл Певцов, Молчанова - Дикой, Минутку - Берсенев. Драма до сих пор не сходит со сцены.

"В беде не сробеет" и т. д. - цитата из поэмы Некрасова "Мороз, красный нос" (часть первая - "Смерть крестьянина", IV).

"Смирился пылкий Шлипенбах" - неточная цитата из "Полтавы" Пушкина: "Сдается

Расточитель. Николай Семенович лесков leskovnikolai.ru
пылкий Шлипенбах".

Гамза - кошель, деньги.
Известности - невзначай, вдруг.
Толпега - бестолковый человек.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!